

ОБРАЗОВАНИЕ ВО ИМЯ ПРАВОСУДИЯ СЕРИЯ УНИВЕРСИТЕТСКИХ МОДУЛЕЙ

БОРЬБА С ТЕРРОРИЗМОМ

Модуль 4

МЕРЫ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ПО БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Организация Объединенных Наций Ве́на, 2019 Этот модуль является ресурсом для преподавателей.

Разработанный в рамках инициативы Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) «Образование во имя правосудия» (Е4Ј), являющейся компонентом Глобальной программы по осуществлению Дохинской декларации, данный модуль является частью серии модулей по борьбе с терроризмом Е4Ј и дополняется Учебным пособием. Полный перечень материалов «Образование для правосудия» Е4Ј включает в себя университетские модули по вопросам честности и этики, предупреждения преступности и уголовного правосудия, борьбы с коррупцией, организованной преступности, торговли людьми / незаконного ввоза мигрантов, огнестрельного оружия, киберпреступности, охраны дикой природы, лесных и рыболовных преступлений, а также борьбы с терроризмом.

Все серии университетских модулей «Образование для правосудия» Е4Ј содержат предложения по упражнениям для аудиторных занятий, оценки учащихся, слайды и другие учебные инструменты, которые преподаватели могут адаптировать и включить в существующие курсы и программы обучения в ВУЗах. Модуль предоставляет план для трехчасового занятия, но также может быть использован для более или менее продолжительных занятий.

Все университетские модули «Образование для правосудия» Е4Ј включают в себя результаты научных исследований и дискуссий, и могут содержать информацию, мнения и заявления из различных источников, включая сообщения прессы и независимых экспертов. Ссылки на внешние ресурсы были проверены на момент публикации. Однако, поскольку сторонние веб-сайты могут измениться, пожалуйста свяжитесь с нами, если вы столкнулись с неработающей ссылкой или были перенаправлены на неприемлемый контент. Пожалуйста, также сообщите нам, если вы заметили, что публикация связана с неофициальной версией или веб-сайтом.

Несмотря на то, что были приложены все усилия для обеспечения точного перевода модуля, обратите внимание, что модуль на английском языке является утвержденной версией. Поэтому в случае сомнений, пожалуйста, обратитесь к первоисточнику в английской версии.

Ознакомиться с условиями использования Модуля можно на веб-сайте Е4Ј.

© Организация Объединенных Наций, 2019. Все права защищены.

Используемые обозначения и представление материалов в этой публикации не подразумевают выражения какого-либо мнения со стороны Секретариата Организации Объединенных Наций относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или ее органов власти, или относительно разграничения его границ.

Данная публикация не была официально редактирована.

Содержание

Введение	. 2
Результаты обучения	. 2
Ключевые аспекты	.3
Определение терроризма	4
Определение терроризма в обычном праве	.5
Последствия отсутствия универсального определения терроризма	.6
Подход ООН	.7
Региональные и национальные подходы	.9
Региональные подходы к определениям	10
Меры реагирования системы уголовного правосудия	12
Концепции международного уголовного правосудия и международного уголовно права	
Элементы преступления	14
Общее право и системы континентального гражданского права	17
Юрисдикция	18
Террористические преступления, предусматриваемые договорами — универсального документы по борьбе с терроризмом	
Подход, применяемый в универсальных документах по борьбе с терроризмом	23
Обзор универсальных правовых документов по борьбе с терроризмом	26
Краткий обзор универсальных правовых документов по борьбе с терроризмом	27
Проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме	30
Текущее положение (по состоянию на июнь 2018 года)	33
Принципы и механизмы, лежащие в основе универсальных документов по борьбе терроризмом	
Обязательство выдать или привлечь к суду	35
Тяжкие международные преступления	38
Преступления против человечности	38
Военные преступления	39
Геноцид	40
Практические проблемы	42
Международные суды и трибуналы	43
Проблемы и преимущества	43
Юрисдикция в отношении преступлений, связанных с терроризмом	44
Упражнения и тематические исследования (кейсы)	46
Упражнение 1: Национальное антитеррористическое законодательство	46
Упражнение 2: Учебный судебный процесс в рамках Международного суда	17

Кейс 1: Гипотетический кейс: Борьба с финансированием терроризма	48
Кейс 2: Взрыв на Локерби*	49
Возможное построение занятия	51
Основная литература	52
Дополнительная литература	55
Оценка учащихся	60
Вопросы для оценки	60
Дополнительные учебные инструменты	61
Видеоматериал	61
Инструменты	62
Дополнительные материалы	63
Библиография	63

Введение

Данный Модуль предназначен для ознакомления учащихся с ключевыми понятиями, принципами, инструментами и учреждениями, которые лежат в основе реагирования системы уголовного правосудия в борьбе с терроризмом, как это предусматривается в Глобальной контртеррористической стратегии ООН. В нем также изучаются некоторые причины, лежащие в основе отсутствия глобального консенсуса в отношении согласованного определения термина «терроризм», и связанные с этим последствия. Далее Модуль знакомит учащихся с понятием международного уголовного права, а также различными типами юрисдикций для преследования тех, кто совершает тяжкие международные преступления, в том числе, связанные с терроризмом. Поскольку вопросы, касающиеся справедливости судебных разбирательств, рассматриваются в Модуле 11, основное внимание в Модуле 4 уделяется главным образом основным и некоторым процедурным элементам судебного преследования лиц за совершение террористических актов, будь то террористические преступления, предусматриваемые договорами, или тяжкие международные преступления. Хотя предполагается, что институты обычно действуют в рамках применимого законодательства, иногда могут иметь место нарушения прав человека, некоторые из которых могут быть связаны с совершением преступления государственными служащими, что более подробно рассматривается в Модуле 14.

Результаты обучения

- Понимание основополагающих концептуальных и правовых принципов эффективного реагирования системы уголовного правосудия на терроризм (национальный, региональный и институциональный уровни).
- Ознакомление учащихся с принципами международного уголовного права и соответствующими институциональными форумами.
- Понимание значений терминов «террористические преступления, предусматриваемые договорами» и «тяжкие международные преступления,

- имеющие отношение к уголовному преследованию за преступления, связанные с терроризмом», а также различий между ними.
- Понимание основных причин и последствий отсутствия глобального консенсуса в отношении согласованного определения термина «терроризм» при осуществлении реагирования уголовного правосудия в борьбе с терроризмом.
- Выявление главных препятствий для осуществления эффективного реагирования системы уголовного правосудия в борьбе с терроризмом.

Ключевые аспекты

В Модуле 3 были определены два принципиальных, но разных подхода к контртеррористическим мерам, каждый из которых имеет собственные применимые нормативно-правовые рамки: реагирование в рамках системы уголовного правосудия (иногда называется такими терминами как «правоохранительные меры, принимаемые по линии уголовного правосудия» или «превентивные меры, принимаемые по линии уголовного правосудия»), и подход военного/вооружённого конфликта (Модуль 6). Применение каждого из них может быть обосновано в зависимости от конкретных факторов, например, осуществляются ли контртеррористические меры в мирное время, или же перейдена правовая грань вооружённого конфликта. С учётом этого, как было разъяснено в Модуле 3, предпочтительным подходом к реагированию на террористические угрозы и действия должно стать применение уголовного правосудия, является исходным условием, на котором построена контртеррористическая стратегия ООН, при этом применение военных мер должно носить исключительный характер. Несомненно, наличие действенных и эффективных мер в рамках уголовного права на терроризм может помочь государствам избежать потребности в вынужденном обращении к военной силе или другим исключительным мерам.

Эффективные и основанные на предотвращении меры реагирования на терроризм включать выраженный компонент уголовного правосудия, руководствуется нормативно-правовыми рамками и закреплено в основных принципах верховенства права, надлежащих правовых процедурах и защите прав человека (см. Модуль 11). Виновные в совершении террористических актов, как это определено в универсальных и международных правовых документах в области борьбы с терроризмом, обсуждаемых в Модуле 4, являются преступниками и, следовательно, в отношении их должно быть применено уголовное правосудие. Это наиболее адекватный и справедливый механизм для осуществления правосудия и защиты прав обвиняемых. В первую очередь необходимо пояснить, что международные антитеррористические и контртеррористические документы будут В дальнейшем обозначаться «универсальные» конвенции в соответствии с практикой Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), хотя значение обоих терминов (в том числе в контексте установления юрисдикции) отличается, как разъясняется далее. В дополнение к основной функции по осуществлению мер в рамках уголовного правосудия по борьбе с терроризмом эти документы также обеспечивают эффективные предупреждения, в том числе интервенции, которые направлены на решение проблемы финансирования террористов и террористических организаций, пресечение преступных сговоров с целью совершения атак и недопущение подстрекательства к терроризму.

Несмотря на то, что осуществление мер реагирования системы уголовного правосудия на террористическую деятельность не является чем-то новым, они приобрели новую

значимость в качестве центрального компонента глобальных контртеррористических усилий, в частности после террористических атак 11 сентября 2001 года. Результатом этого стало проведение многочисленных соответствующих мероприятий, в том числе усиление международного сотрудничества, увеличение числа ратификаций значимых конвенций по борьбе с терроризмом (ратификация или присоединение к которым задерживалось ДО 11 сентября, например, Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма 1999 года), разработка и реализация новых законов, политик и практик по борьбе с терроризмом наряду с мероприятиями по наращиванию потенциала, в том числе проводимыми УНП ООН. Помимо этого, также имело место ужесточение наказаний за связанные с терроризмом преступления в национальных и международных судах и трибуналах.

В частности, данный Модуль начинается с изучения проблем, связанных с текущими усилиями по достижению согласованного универсального определения терроризма, в том числе в контексте продолжающихся международных усилий по выработке окончательного текста проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме (Всеобъемлющая конвенция). В нем также рассматриваются различные региональные и национальные подходы к определениям, а также может ли понятие «терроризм» существовать в рамках обычного международного права. Далее в Модуле рассматриваются подходы в рамках уголовного правосудия, в частности понятия и сопутствующие принципы международного уголовного правосудия, непосредственное отношение к деяниям, связанным с терроризмом, в том числе элементы состава преступления, а также различные типы юрисдикции. Затем в модуле рассматриваются преступления, обозначенные в международных договорах, с кратким обзором каждого универсального антитеррористического документа. В конце модуля рассматривается вопрос о том, могут ли преступления, связанные с терроризмом, преследоваться в качестве тяжких международных преступлений, таких как геноцид, преступления против человечности и (или) военные преступления, и каким образом, принимая во внимание отсутствие постоянного международного суда или трибунала с четкой юрисдикцией в отношении преступлений терроризма, хотя некоторые специальные трибуналы смогли решить эту проблему на практике.

Определение терроризма

Прежде чем изучить значение и соответствующие понятия и принципы (международного) уголовного правосудия и международного уголовного права, в силу того, что они применяются к террористическим преступлениям, необходимо, прежде всего, кратко рассмотреть основные причины и последствия отсутствия глобального консенсуса в отношении определения термина «терроризм», в том числе, каким образом ключевые институциональные и государственные акторы реализуют решения в рамках уголовного правосудия при отсутствии такого определения.

Как обсуждалось в Модуле 1, понятие «терроризм» не является новым, существуя в различных формах в течение столетий. Причин этому множество. Существует ряд возможных объяснений, некоторые из которых рассматриваются далее применительно к текущим усилиям по согласованию всеобъемлющей конвенции.

Определение терроризма в обычном праве

Несмотря на отсутствие в настоящее время согласия относительно универсального правового определения термина, ведутся дискуссии по вопросу возможного существования, по крайней мере частичного, общеправового определения терроризма. Это стало следствием противоречивого постановления Специального трибунала по Ливану в 2011 году, который пришёл к заключению, что начиная с 2005 года определение «транснациональный терроризм» существует в рамках обычного международного права:

Как следует далее, ряд договоров, резолюций ООН, а также законодательная и судебная практика государств доказывают формирование общего *opinio juris* в международном сообществе наряду с практикой, согласующейся с таким *opinio juris*, касательно того, что обычная норма международного права в отношении международного преступления терроризма по крайней мере в мирное время действительно возникла. Эта обычная норма подразумевает наличие трёх ключевых элементов: (i) совершение преступного деяния (например, убийство, похищение, захват заложников, поджог и т.д.), или угроза такого деяния; (ii) намерение сеять страх среди населения (что, как правило, влечёт за собой угрозу для общественной безопасности) или прямо или косвенно заставить национальные или международные органы предпринять действия или воздержаться от них; (iii) когда такое деяние содержит транснациональный элемент. (Промежуточное постановление, 2011, п. 85).

Делая такое заключение, Трибунал полагался главным образом на соответствующие политику, практику и нормы ООН, в том числе Генеральной Ассамблеи, а также на национальную и международную судебную практику. Более того, Трибунал утверждал, что необходимые материальные (объективные и субъективные) элементы для двух других классов террористических преступных деяний также существовали в международном праве: военные преступления, совершенные в ходе международного или немеждународного вооружённого конфликта; и деяния, которые пересекают черту, чтобы считаться преступлениями против человечества независимо от того, совершаются ли они в мирное время или во время вооружённого конфликта.

Несмотря на то, что существование (хотя и не обязательно толкование) последних двух категорий преступлений не оспаривается и широко признается в международном праве (включая договоры и соответствующую судебную практику), вопрос существования преступлений, совершенных в мирное время, в рамках обычного международного права не всеми признается урегулированным. Конечно, в каждом случае, когда в рамках документа ООН, например, резолюции, приводится терминология, касающаяся терроризма, это не должно пониматься как наличие общеправового определения. Примечательно, что декларация Генеральной Ассамблеи о мерах по ликвидации международного терроризма (резолюция 49/60) предполагает наличие политической цели, а проект всеобъемлющей конвенции нет. В то же время резолюция Совета безопасности 1566 (2004), главным образом вновь затрагивающая проблемы преступлений отраслевого характера, не включает все формы терроризма и не требует наличия особого намерения или мотива.

Решение Трибунала, а также его правовая основа подверглись серьёзной критике и не получили широкого признания, в том числе из-за несоответствия необходимым правовым критериям с точки зрения государственной практики и *opinio juris*. Один из ведущих экспертов Ben Saul отметил:

Несмотря на многочисленные отраслевые договоры, направленные на борьбу с конкретными преступными средствами методами, используемыми И террористами, ни один из них [договоры, на которые ссылается Специальный трибунал] – по отдельности или в совокупности – не содержит всеобъемлющего определения терроризма и не дает понятие общего международного преступления, связанного с транснациональным «терроризмом». В лучшем случае, конкретные преступления в некоторых договорах могут быть включены в обычное право, как, например, незаконный захват воздушного судна или захват заложников. В отсутствие понятия общего преступления терроризма в договорном праве никакая параллельная общеправовая норма не может возникнуть из таких договоров. Отраслевой подход был принят именно потому, что государства не могли достигнуть согласия по определению терроризма как такового. (Saul, 2012, p. lxxi).

Действительно, как далее отмечает Saul, несмотря на то, что Трибунал стремился опираться на региональные инструменты против терроризма как частичное подтверждение своих заключений, их правильное прочтение в действительности свидетельствует о том, что согласия касательно единого определения терроризма нет (Saul, 2012, р. lxxi), как было показано выше. В более широком смысле, имеется консенсус относительно того, что общеправовое определение терроризма потенциально развивается, но заявление Трибунала о его наличии было преждевременным.

Последствия отсутствия универсального определения терроризма

Отсутствие универсального определения терроризма в правовых целях имеет широкие последствия. Одно из них заключается в том, что отсутствие определения может способствовать политизации и злоупотреблению термином «терроризм» для борьбы с нетеррористической (иногда даже непреступной) деятельностью. В свою очередь, это может привести к нарушению государствами в ходе контртеррористической деятельности прав их собственных граждан или граждан других стран, предусмотренных международным правом в области прав человека.

В странах, где законодательство также страдает от неоднозначности терминологии с точки зрения определения действий, рассматриваемых как уголовное преступление и связанных с этим последствий, такие законы могут нарушать принцип законности или nullum crimen, nulla poena sine lege. Согласно этому принципу, никто не может быть привлечён к суду или наказан согласно национальным или международным уголовным законам, кроме как за деяние, являющееся преступлением на момент его совершения, что означает, что уголовные законы не имеют обратной силы. Особый интерес здесь вызывает тот факт, что неотъемлемым аспектом этого правового принципа является необходимость определённости такого закона, чтобы незаконный характер деяния и его последствия были точно определены без сомнения или неоднозначности до его совершения.

Ещё одним важным вопросом является отсутствие согласованности между национальными и региональными законами и нормативными стандартами в области противодействия терроризму. Как обсуждалось в Модуле 3, после террористических атак 11 сентября Совет Безопасности принял резолюцию 1373 (2001), в соответствии с которой Государства обязаны более эффективно реализовывать действия законодательного характера на национальном уровне в рамках глобальных усилий по

противодействию терроризму. Несмотря на то, что с одной стороны это обязывало государства принимать законодательные меры в отсутствие универсального согласованного определения терроризма, результатом стали смешанные правовые меры и подходы государств-членов, которые в некоторых случаях скорее мешают, чем способствуют международному сотрудничеству.

Подход ООН

В рамках системы ООН, в условиях отсутствия универсального согласованного определения термина, использование различной терминологии, описывающей понятие «терроризм», может быть обнаружено в документах этой организации. Они, как правило, не предполагают наличия согласованного определения терроризма (хотя, в конечном итоге, это одна из целей, проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме (Всеобъемлющая конвенция), хоть и труднодостижимая в настоящее время). Вместо этого они должны использоваться в качестве руководящих стандартов для содействия государствам, например, в осуществлении требуемых или необходимых действий в рамках конкретных документов и инструментов. Для иллюстрации в данном модуле приведён ряд примеров из различных источников.

Первым примером может служить резолюция Генеральной Ассамблеи 49/60, которая направлена на криминализацию ряда вооружённых действий, рассматриваемых как «террористические» по своему характеру:

Преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или конкретных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или любого другого характера, которые могут приводиться в их оправдание (п. 3).

Сильной стороной этого подхода является то, что он был принят Генеральной Ассамблеей консенсусом, то есть без голосования. Таким образом, он имеет высокий уровень легитимности как документа в полной мере представительного форума Генеральной Ассамблеи и, соответственно, остаётся важным инструментом. Будучи документом Генеральной Ассамблеи, тем не менее, он не имеет обязательной силы. Подтверждением этого заключения является тот факт, что до сих пор не было достигнуто согласие по универсальному определению в контексте текущих переговоров в отношении проекта Всеобъемлющей конвенции. В настоящее время в Резолюции Генеральной Ассамблеи 49/60 признается необходимость прогрессивного развития международного права и кодификации антитеррористических норм (п. 12). По этим причинам несмотря на то, что резолюция 49/60 остается важной и влиятельной, в том числе посредством ежегодного повторного принятия резолюций Генеральной Ассамблеей о «мерах по ликвидации терроризма», ее потенциальная роль в законотворчестве остаётся неясной.

Ещё одним примером терминологии, связанной с «терроризмом», может служить резолюция 1566 (2004), направленная на содействие государствам в осуществлении положений резолюции Совета Безопасности 1373 (2001) по принятию законодательных мер. Она ссылается на «терроризм» как:

... преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьёзный ущерб здоровью или захватить

заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма, и в соответствии с содержащимися в них определениями, ни при каких обстоятельствах МОГУТ быть оправданы никакими соображениями идеологического, политического, философского, расового, этнического, религиозного или другого подобного характера, и призывает все государства предотвращать такие акты, а если их не удалось предотвратить - принимать меры к тому, чтобы наказывать за такие деяния сообразно их тяжкому характеру (п. 3).

Принятая Советом Безопасности на основании главы VII Устава ООН, теоретически эта резолюция является юридически обязательной для всех государств-членов. На практике, однако, любое предложение, например, сопутствующее обязательство по принятию и использованию конкретного определения «терроризма», скорее всего, будет решительно отвергнуто государствами. (См. далее Совет Безопасности, опрос Контртеррористического комитета S/2016/50). С учётом вышесказанного, резолюция 1566 играет важную роль, оказывая влияние и содействие гармонизации некоторых определений терроризма в рамках национального права. Резолюция также важна с точки зрения ликвидации пробелов в национальных системах уголовного правосудия в отношении таких преступлений (Young, 2006) и является частью свода норм, оказывающих влияние на то, каким образом преступления терроризма квалифицируются и рассматриваются сегодня.

Следующий подход (рассматриваемый ниже) существует в контексте статьи 2 проекта Всеобъемлющей конвенции. Вновь можно наблюдать ряд важных различий между терминологией, используемой здесь и применяемой Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности. С одной стороны, она имеет более четкую сферу полномочий, чем декларация Генеральной Ассамблеи 1994 года и резолюция Совета Безопасности 1566, ясно ссылаясь на причинение ущерба имуществу как преступное деяние. С другой стороны, она не дает достаточно полной формулировки обоснований, которые никогда не смогут оправдать террористические акты. Это может быть обусловлено, по крайней мере, тем фактом, что, будучи потенциально юридически обязывающим договором, проект Всеобъемлющей конвенции является предметом более тщательного процесса обсуждения и изучения по сравнению с резолюциями.

В более общем смысле, как будет более подробно рассмотрено далее, большинство универсальных антитеррористических документов не содержит определения терроризма из-за связанной с ним политической деликатности. При этом одним примечательным исключением может стать пример обсуждаемой в данном модуле статьи 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Эта статья устанавливает уголовную ответственность за финансирование терроризма:

- 1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:
  - а. какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

b. любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какоголибо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

Эта формулировка была подтверждена в резолюции Совета Безопасности 1373 (2001), которая призывает государства «стать как можно скорее участниками соответствующих международных конвенций и протоколов, относящихся к терроризму, включая Международную конвенцию о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года» (п. 3(d)).

Региональные и национальные подходы

Помимо государств многие региональные организации имеют инструменты для противодействия терроризму (см. Модуль 5), в которых используются собственные определения терроризма, отражающие региональные приоритеты. Эти же вопросы, тем не менее, возникли в отношении многих определений в целях применения на национальном уровне, потому что межрегиональные расхождения в подходах могут, скорее, препятствовать, чем содействовать международному сотрудничеству среди его участников. Помимо этого, важные различия в подходах к определениям могут возникнуть между региональными организациями и их отдельными государствами-участниками. В свою очередь это может быть чревато конфликтом правовых вопросов в отношении того, какое право должно превалировать — договорное или национальное — в случае разногласий между двумя сводами норм, которые не могут быть урегулированы (см. подробно Устав ООН 1945 г., статья 103; Венская конвенция о праве международных договоров, 1969 г., ст. 30). В целом согласно принципу включения, рассматриваемому в Модуле 3, на практике преимущественную силу будет иметь национальное право по причинам конституционного характера.

В следующей таблице представлены принципиальные подходы региональных организаций к определениям, рассматриваемые в Модуле 5. Ни один из них не должен рассматриваться как представляющий универсальное согласованное определение терроризма в рамках системы ООН.

Региональные подходы к определениям

(1) Исключение вооружённого национального освобождения или борьбы за самоопределение

В данном подходе проводится различие между тем, что рассматривается как представляющие собой противозаконные преступные деяния террористов и, например, совершением насилия в рамках того, что рассматривается как законная борьба против оккупации, агрессии или иностранного господства, освобождая лиц, совершивших такие деяния от уголовной ответственности. Например,

• Статья 2(а) Арабской конвенции о борьбе с терроризмом (принята 22 апреля 1998 г., вступила в силу 7 мая 1999 г.) предусматривает, что:

«Все случаи борьбы любыми средствами, в том числе вооруженная борьба с иностранной оккупацией и агрессией в целях освобождения и самоопределения в соответствии с принципами международного права не должны рассматриваться как преступление. Настоящее положение не распространяется на любые деяния, нарушающие территориальную целостность любого арабского государства».

Аналогичные:

- Конвенция Организации Исламская конференция (ОИК) о борьбе с международным терроризмом (принята 1 июля 1999 г., вступила в силу 7 ноября 2002 г.), статья 2(а).
- Конвенция Организации африканского единства (ОАЕ) по предотвращению и борьбе с терроризмом (принята 14 июля 1999 г., вступила в силу 6 декабря 2003 г.), статья 3(1).

Эти региональные инструменты используют различные подходы в отношении элементов состава преступления для определения терроризма. См. далее:

- Арабская конвенция о борьбе с терроризмом, статья 1(2).
- Конвенция Организации Исламская конференция (ОИК) о борьбе с международным терроризмом, статья 1(2).
- Конвенция Организации африканского единства (ОАЕ) по предотвращению и борьбе с терроризмом, статья 1(3).

(2) Ссылки на секторальные конвенции по борьбе с терроризмом

Подход многих других региональных конвенций заключается в учёте норм секторальных конвенций по борьбе с терроризмом, которые не дают определения терроризма, а вместо этого делают ссылку на элементы состава уголовного преступления в отношении конкретных преступлений. Региональные конвенции, входящие в эту категорию, включают:

• Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (принята 16 мая 2005 г., вступила в силу 1 июня 2007 г.), статья 1(1).

Статья 1(1): «Для целей настоящей Конвенции «террористическое преступление» означает любое из преступлений в рамках положений и определений, содержащихся в одном из договоров, перечисленных в Приложении (т.е. все отраслевые конвенции)».

Примечание Секретариата: «Действия вооружённых сил во время вооружённого конфликта, как они трактуются в соответствии с международным гуманитарным правом, регулируемые этим правом, не регулируются настоящей Конвенцией, а также действия, предпринимаемые вооружёнными силами государства при выполнении ими официальных обязанностей ввиду того, что они регулируются другими нормами международного права, не регулируются настоящей Конвенцией».

Аналогичные конвенции:

- Межамериканская конвенция против терроризма (принята 3 июня 2002 г., вступила в силу 6 июля 2003 г.), статья 2(1).
- Конвенция Ассоциации регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) о борьбе с терроризмом (принята 4 ноября 1987 г.), статья 1.
- Конвенция Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) о борьбе с терроризмом (принята 13 января 2007 г., вступила в силу 27 мая 2011 г.), статья II.

(3) Гибридный подход

Смешанный подход принят Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (принята 15 июня 2001 г., вступила в силу 29 марта 2003 г.). Статья 1 (а) содержит перекрёстную ссылку на существующие договоры, перечисленные в приложении к настоящей Конвенции. В то же время в статье 1(b) даётся определение, отражающее региональные приоритеты:

«...любое другое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооружённого конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения, и преследуемое в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон».

(4) Принятие регионального определения, отражающего международные нормы

Данного подхода придерживается Европейский союз:

• Европейский Союз, Совет Европейского Союза, Рамочное решение от 13 июня 2002 года о борьбе с терроризмом, статья 1.

Как уже говорилось, есть много примеров, когда в отсутствие согласия по универсальному определению, термин «терроризм» определяется на национальном уровне. Некоторые примеры различных национальных подходов включены в материалы для ознакомления в настоящем Модуле.

Меры реагирования системы уголовного правосудия

Учитывая, что в основе контртеррористических мероприятий лежит эффективный и прозрачный процесс уголовного судопроизводства, обеспечивающий соблюдение принципа верховенства права и прав человека, они могут обеспечить мирный, подотчётный и легитимный ответ на терроризм. Такого рода меры уголовного правосудия в отношении терроризма могут помочь избежать или снизить риски необоснованного или незаконного применения силы, выходящего за рамки средств защиты или процессуальных гарантий, обеспечиваемых надлежащим судебным процессом. Они могут способствовать укреплению приверженности общества верховенству права и правам человека даже в условиях угрозы терроризма.

Роль системы уголовного правосудия в противодействии терроризму является сложной. Действительно, основная задача контртеррористических стратегий должна заключаться в предотвращении террористических актов, и в некоторых случаях правоохранительные органы способны предотвратить совершение террористических атак. Тем не менее, некоторые существующие методы работы системы уголовного правосудия менее эффективны, когда речь идёт о предотвращении достижения цели террористических сговоров или в случаях, когда террористическая угроза слишком масштабна, чтобы устранить её с помощью имеющихся ресурсов. Дальновидная, превентивная и хорошо финансируемая стратегия уголовного правосудия в борьбе с террористическим насилием требует наличия всеобъемлющей системы конкретных видов преступлений, следственных полномочий и методов, правил представления доказательств и международного сотрудничества. Цель заключается в том, чтобы упреждающим образом интегрировать механизмы материального и процессуального характера в целях снижения масштабов и степени жестокости террористического насилия и делать это в рамках строгих ограничений и средств защиты уголовной системы и верховенства права. Тем не менее, могут иметь место значительные сопутствующие трудности, в частности для не владеющих богатыми ресурсами стран, в реализации всех рекомендованных мер для правоохранительных органов и систем уголовного правосудия наряду с обеспечением необходимого уровня технического потенциала.

Системы уголовного правосудия эти проблемы решают по-разному в зависимости от правовых традиций, уровня развития, относительной институциональной развитости и собственной культурной среды. В некоторых случаях воспринимаемая неотложная потребность в реагировании на конкретную угрозу вынуждала государства импровизировать и использовать новые методы уголовного правосудия, которые могут противоречить общепризнанным международным договорам в области прав человека и нормативным стандартам. Кроме того, существуют возможности для укрепления потенциала и эффективности национальной правовой системы и системы уголовного правосудия во многих государствах в целях сотрудничества на международном уровне в рамках многочисленных контртеррористических инициатив, основанных на принципе верховенства закона. Это приводит к дополнительной нагрузке на уже ограниченный потенциал многих систем уголовного правосудия, и, возможно, ослабляет или ставит под угрозу их способность функционировать в рамках базовых принципов верховенства права и прав человека.

Концепции международного уголовного правосудия и международного уголовного права

Иногда в контексте преследования международных преступлений используется термин «международное уголовное правосудие». Antonio Cassese отмечал: «Понятие международного уголовного правосудия расплывчатое. В настоящее время под ним понимается применение принципа подотчетности в отношении конкретных видов международных преступлений, будь то международным или национальным судебным органом. Такой орган должен быть учреждён и быть беспристрастным, а его судебные процессы должны быть справедливыми и соответствовать международным стандартам» (Cassese, 2009, стр. 131).

В настоящем Модуле термин используется для обозначения международных преступлений, за которые террористы могут подвергаться уголовному преследованию вне зависимости от того, являются ли эти деяния террористическими преступлениями, предусматриваемыми договорами, т.е. правовым обоснованием для их преследования является международный договор, например, одна из универсальных конвенций о борьбе с терроризмом, или же одним из тяжких преступлений обычного международного права, например, преступление против человечества. Несмотря на то, что последние не имеют прямого отношения к преступлениям, связанным с терроризмом, как будет разъяснено далее, в определённых обстоятельствах такие деяния могут включать и преступления, связанные с терроризмом. Оба вида этих международных преступлений служат основой для международного уголовного права, являющегося сводом норм международного публичного права. Примечательно, что в отличие от других международных правовых режимов, лежащих в основе контртеррористической стратегии ООН, которая обсуждалась в Модуле 3, полностью согласованного режима международного уголовного права, регулирующего вопросы терроризма и контртеррористической деятельности, и соответствующих механизмов на сегодняшний день не существует.

Несмотря на то, что международное уголовное право основывается на статье 38(1) статута Международного суда ООН (объясняется в Модуле 3), точный источник права, предмет и характеристики любого международного преступления часто определяются правовым документом устава органа, который занимается преследованием такого преступления. Это может привести к некоторым расхождениям в подходах, в том числе относительно того, могут ли преступления, связанные с терроризмом, прямо или косвенно преследоваться как международные преступления и каким образом. В свою очередь, международные преступления, как правило, покушаются на основополагающие ценности международного сообщества, такие как мир и безопасность, в том числе в связи с систематическим или масштабным применением насилия.

С точки зрения того, какие органы осуществляют уголовное преследование таких международных преступлений, то, за исключением Специального трибунала по Ливану, международных уголовных судов или трибуналов, наделённых особой юрисдикцией в отношении террористических преступлений, не существует. Слушания по некоторым наиболее тяжким и громким делам могут проходить в международном уголовном суде или трибунале, например, Международном уголовном суде, юрисдикция которого основывается на положениях Римского статута Международного уголовного суда 1998 года (Римский статут). Альтернативой может служить создание специальных уголовных трибуналов, как, например, по бывшей Югославии и Руанде, которые действовали в соответствии со специальными уставами, предусмотренными резолюциями Совета безопасности согласно главе VII Устава ООН. В отдельных случаях могут быть созданы

смешанные суды как, например, специальный суд по Сьерра-Леоне или Чрезвычайные палаты судов Камбоджи, которые используют в качестве источника права как международное, так и национальное право.

При этом обычно террористические преступления (как это определяется в универсальных документах против терроризма) относятся к категории национального уголовного права международного значения. В этой связи они рассматриваются национальным судом стран, в которых такие преступления включены во внутреннее законодательство, как в рамках монистической, так и дуалистической системы (см. Модуль 3). Например, в целях осуществления обязательств государства по Закону о геноциде 1948 года, Женевским конвенциям 1949 года или Конвенции против пыток 1984 года часто принимается внутреннее законодательство, устанавливающее уголовную ответственность за геноцид, военные преступления и пытки. В дополнение к этому сформулированные в них преступления могут существовать и в рамках обычного международного права, непосредственно на которое могут полагаться некоторые национальные суды без необходимости дальнейшего совершенствования законодательства.

В этой связи ответы уголовного правосудия на терроризм по существу формируются на основе национального законодательства, которое и само должно соблюдать различные аспекты международного права. Таким образом, существует несколько компонентов международного права, которые имеют прямое отношение к мерам реагирования национальной системы уголовного правосудия на терроризм. В дополнение к договорным обязательствам, вытекающим из ратификации универсальных правовых документов против терроризма, и ряду юридических обязательств, которые налагают на них соответствующие резолюции Совета Безопасности по борьбе с терроризмом, государства также имеют ряд юридических обязательств в соответствии с другими отраслями международного права, в том числе, международным правом в области прав человека, международным гуманитарным правом, международным правом в области прав беженцев и обычным международным правом, рассматриваемым в Модуле 3. Сюда входят тяжкие международные преступления, которые будут рассмотрены далее.

Элементы преступления

Эффективная криминализация различных деяний, связанных с террористической деятельностью, является одним из необходимых условий вмешательства со стороны системы уголовного правосудия. Криминализация является не только юридическим обязательством для государств-участников различных документов в области борьбы с терроризмом, но также непременным условием эффективного международного сотрудничества. Предполагается, что государства-участники должны определить в соответствии с внутренним законодательством ряд преступлений, как это предусмотрено конвенциями и протоколами в области борьбы с терроризмом и другими связанными формами преступлений. Они должны также обеспечить установление соответствующих мер наказания за такие преступления с учетом их тяжкого характера.

Для достижения этого государства должны определить элементы состава террористического преступления в соответствии с общим уголовным правом. При этом они также обязаны обеспечить соответствие новых положений уголовного права их обязательствам по международному праву, в частности международному праву в области прав человека, международному праву в области прав беженцев и международному гуманитарному праву.

Существуют два ключевых элемента состава любого преступления, в том числе международных преступлений: объективная сторона преступления (actus reus) и субъективная сторона преступления (mens rea).

Объективная сторона преступления

Объективная сторона преступления (actus reus) международных преступлений, как правило, касается деяния, обстоятельств и последствий. Элемент деяния может состоять из действия или бездействия, как это предусмотрено в тексте документа, формирующего правовую основу судебного преследования, например, убийство, массовое убийство, тяжкое телесное повреждение, похищение, взрывы бомб или захват транспортных средств в случае преступлений, связанных с терроризмом.

Последствия совершения международного преступления распространяются на все результаты осуществления преступного деяния, такие как причинённый ущерб (например, увечье или ущерб имуществу). В случае международного терроризма деяние должно иметь транснациональную составляющую, т.е. деяние не должно ограничиваться территорией одного государства и должно иметь какой-либо иностранный элемент или связь (см. далее дискуссии по юрисдикции). В каждом международном документе в области борьбы с терроризмом данное требование формулируется по-разному. Например, статья 13 Международной конвенции о борьбе с захватом заложников 1979 г. гласит, что «Настоящая Конвенция не применяется в тех случаях, когда преступление совершено в пределах одного государства, когда заложник и предполагаемый преступник являются гражданами этого государства и когда предполагаемый преступник находится на территории этого государства». Аналогичное требование можно найти в статье 4 Конвенции по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года. Требование транснационального элемента является прямым следствием поставленной в договорах цели обязать государства расследовать преступления, связанные с международными террористическим актами и наказывать за их совершение, а также содействовать международному сотрудничеству в этой области. Однако на практике многие государства квалифицируют в качестве уголовных преступлений деяния, оговариваемые документах, без установления чёткого требования транснационального элемента, как это предусматривается такими документами.

Аналогичная ситуация, как будет подробно рассмотрено далее, сложилась в отношении универсальных документов в области терроризма - в отсутствие международного согласованного определения терроризма подход государств по традиции заключался в криминализации конкретных объективных элементов деяния в рамках каждого договора, которые далее могут рассматриваться в национальных судах, как правило, без использования термина «террорист». Cassese резюмировал такие деяния следующим образом (Cassese, 2006, стр. 939):

- а. Деяния, которые вне зависимости от того, являются ли они преступлениями по национальному законодательству или нет, могут угрожать безопасности воздушного судна, или лицам или имуществу, находящимся на борту такого судна или угрожать порядку и дисциплине на борту (статья 1(b) Токийской конвенции 1963 г.);
- b. незаконный захват управления воздушного судна в воздухе с помощью силы или угрозы силы или другой формы запугивания (статья 1(a) Гаагской конвенции 1970 г.);
- с. акты насилия против лиц, находящихся на борту во время полёта или в отношении воздушного судна (статья 1(1) Монреальской конвенции 1971 г.);

- d. убийство и другие насильственные акты против лиц, пользующихся международной защитой, или их официальных помещений, жилых помещений или транспортных средств (статья 2(1) Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой 1973 года);
- е. незаконное обладание, использование, перевозка или хищение ядерных материалов, а также угроза их применения (статья 7 Венской конвенции 1979 г.);
- f. захват судна или контроля над ним силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания или акт насилия против лиц на борту судна или против судна (статья 3(1) Римской конвенции 1988 г.);
- g. захват стационарной платформы силой или угрозой силы или путем любой другой формы запугивания или акты насилия против лиц на борту или против платформы (статья 2 Римского протокола 1988 г.);
- h. акты насилия против лиц в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию или объектов аэропорта (статья II Монреальского протокола 1988 г.);
- i. производство или передвижение немаркированных пластических взрывчатых веществ (статья II и III Монреальской конвенции 1991 г.);
- ј. доставка, размещение, разгрузка или подрыв взрывного устройства или другого смертоносного устройства в пределах мест общественного пользования, государственного или правительственного объекта, объекта системы общественного транспорта или объекта инфраструктуры (статья 2(1) Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1998 г.).

Субъективная сторона преступления

Субъективная сторона, mens rea, относится к психологическому настрою подозреваемого в момент совершения предполагаемого международного преступления, т.е. его или ее намерения или цели. В то время как любое преступление совершается с общим умыслом осуществления запрещённого деяния, как в случае геноцида, или же, как случается реже, обвиняемый был настолько безрассудным или неосторожным, чтобы не подумать о наступлении возможных последствий, международные террористические преступления требуют доказательства наличия определённого умысла. Обычно в случае терроризма в договоре будет оговорено, что таким определенным умыслом является намерение запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Как отмечал Antonio Cassese, ещё одна уникальная черта, связанная с терроризмом, касается основного мотива совершения преступления:

Преступное деяние не должно совершаться, преследуя личные цели (например, выгода, месть или личная ненависть). Оно должно быть основано на политических, идеологических или религиозных мотивах. Мотив играет важную роль, поскольку он помогает провести различие между терроризмом как проявлением коллективного преступного деяния и уголовными преступлениями (убийство, похищение и т.д.), которые, наоборот, указывают на индивидуальное преступное деяние. Террористические акты, как правило, осуществляются группами или организациями, или лицами, действующими от их имени или каким-то образом связанными с ними.... Именно этот фактор превращает кровопролитное действие в террористический акт. (Cassese, 2006, стр. 937).

В качестве примеров можно привести Международную конвенцию о борьбе с захватом заложников 1979 года (статья 1(1)) и Конвенцию о борьбе с финансированием

терроризма 1999 года (статья 2(1)(b)), которые характеризуют террористические действия, являющиеся предметом их внимания, как совершаемые с намерением заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; помимо этого, последняя конвенция также предусматривает цель запугивания населения.

Несмотря на то, что терроризм считался деятельностью, представляющей серьёзную национальной безопасности до вступления в силу национальных контртеррористических законодательных мер в соответствии с резолюцией Совета Безопасности 1373 (2001), в рамках многих внутренних правовых систем он все ещё рассматривался как обычное преступление, не предусматривающее конкретного элемента (mens rea) (например, политического Соответственно, уголовное преследование терроризма осуществлялось с точки зрения связанных уголовных деяний (в частности, убийство, нападение, ущерб имуществу, поджог), или в рамках преступлений против национальной безопасности или преступлений против порядка (например, измена, мятеж, протесты, предательство или в исключительных случаях преступления, устанавливаемые законом о чрезвычайном положении).

Общее право и системы континентального гражданского права

Также необходимо отметить, что могут существовать важные различия в реализации, формулировке и осуществлении правоохранительной деятельности в отношении террористических преступлений в рамках общего права и гражданских/континентальных правовых систем, и даже внутри них. Это может привнести дополнительную напряжённость, которая также может оказать влияние на осуществление уголовного преследования таких преступлений в международных структурах (см. далее Fletcher, 2009, стр. 104-110).

Например, такие преступления как соучастие или преступный сговор являются наглядными примерами для применения мер по недопущению планирования и подготовки преступных действий. Признание уголовно наказуемым участие в заговоре с целью совершения террористического акта (даже когда сам акт ещё не совершён), тем не менее, зависит от национального законодательства и правовой традиции и может вызвать всевозможные трудности в плане доказательства. Так, в ходе переговоров по Римскому статуту 1998 года предложение признать преступлением заговор было отвергнуто даже в контексте таких тяжких преступлений как геноцид, несмотря на то, что такое деяние содержалось в тексте Конвенции о предотвращении преступления геноцида и наказании за него 1948 года и было включено в качестве основания для уголовной ответственности в устав специальных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде. Это отражает мнение ряда государств, которые не согласны с понятием преступления заговора.

При этом существуют пути преодоления таких затруднений. Уголовная ответственность на момент, предшествующий фактическому совершению насилия, может быть предусмотрена в законодательстве посредством концепции association de malfaiteurs (создание преступного сообщества) континентального гражданского права и (или) концепции «заговора» общего права, которые запрещают сговоры для совершения преступления. Для признания деяния преступлением нет необходимости предпринимать попытку или совершить задуманное опасное действие, хотя законодательство некоторых

стран требует наличия подготовительных действий для достижения групповой цели. Также возможно признать уголовным преступлением финансовую подготовку террористических актов, как это обязывает делать своих участников Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года. Этот сравнительно новый подход представляет продуманную стратегию, позволяющую вмешаться до того, как террористический акт произойдёт или предпринимается попытка его совершения, что входит в интересы всех сторон. Вместо определения насильственного преступления, наказание за которое может наступить только в случае, если оно совершено или предпринята попытка его совершения, статья 2 Конвенции 1999 года требует признать уголовно наказуемым деянием (ненасильственную) финансовую подготовку, которая предшествует практически каждой террористической атаке.

Юрисдикция

В целях уголовного преследования международных преступлений также необходимо установить юрисдикцию. Это является правом каждого государства в соответствии с международным законодательством - устанавливать и применять внутренние законы или правом международного трибунала применять статьи своего статута. При этом с точки зрения государств, как отмечает O'Keefe: «юрисдикция государства...относится к его полномочиям в соответствии с международным правом регулировать действия, обычные и правовые, лиц, а также регулировать вопросы имущества в соответствии с муниципальным законодательством. Юрисдикция может быть гражданской или уголовной» (O'Keefe, 2004, стр. 736).

Государственная юрисдикция осуществляется в трёх видах, соответствующих трём ветвям власти:

- Законодательная (или нормативная) юрисдикция относится к компетенции устанавливать содержание национального законодательства.
- Судебная юрисдикция относится к способности судов применять национальные законы (например, в случае международных инструментов против терроризма).
- Исполнительная юрисдикция относится к способности государств обеспечивать выполнение своих законов. В отличие от двух других видов, она обычно не может обладать экстерриториальным действием (УНП ООН, 2010, стр. 46).

«Установление» следует чётко отличать от фактического «осуществления» юрисдикции. В соответствии с универсальными документами по борьбе с терроризмом (которые отличаются от понятия «универсальной» юрисдикции, что является другой категорией и обсуждается далее), государства-участники должны обеспечить способность своих судебных систем осуществлять судебное преследование за определённые преступления, совершаемые при определённых обстоятельствах (исходя из места совершения преступления, гражданства преступника и т. д.). Это важно, поскольку несмотря на то, что Совет Безопасности и широкая международная общественность рассматривают террористическую деятельность как создающую существенную угрозу международному миру и безопасности, в настоящее время не существует каких-либо международных судов или трибуналов со специальной юрисдикцией в отношении преступлений, включённых в универсальные договоры в области борьбы с терроризмом; такое предложение было отвергнуто в ходе последних переговоров по Римскому статуту 1998 года при определении юрисдикции Международного уголовного суда, даже несмотря на то, что первоначальным намерением было наделить суд правом преследовать такие преступления как международный терроризм и правонарушения, связанные с наркотиками. Это означает, что способность осуществлять судебное преследование должна быть предусмотрена национальными законами независимо от того, приведёт ли

это к тому, что государство фактически будет осуществлять уголовное преследование или судопроизводство. Не имея адекватных компетенций исполнять эту функцию, международные контртеррористические усилия могут потерпеть неудачу, несмотря на то, что проблемы, связанные с такими компетенциями, по крайней мере в некоторой степени нивелируются принципом «либо выдай, либо суди», предусмотренным в универсальных документах по противодействию терроризму.

Могут существовать различные подходы к вопросу иммунитета должностных лиц от уголовной юрисдикции в отношении предполагаемого совершения международных преступлений, таких как геноцид, преступления против человечества, а также военные преступления. Например, в соответствии со статьёй 27 Римского статута 1998 года Международного уголовного суда иммунитет в таких обстоятельствах не предусматривается; тогда как Международный суд ООН придерживается другого мнения, как например, в Деле об ордере на арест от 11 апреля 2000 года, которое обсуждается далее.

Установление юрисдикции согласно универсальным инструментам по противодействию терроризму

Государствам-участникам универсальных документов по борьбе с терроризмом было бы недостаточно криминализировать указанные в них деяния. Необходимо также предусмотреть, какой суд (или суды) в каком государстве (государствах) компетентен рассматривать дела лиц, предположительно совершивших связанное с терроризмом преступление. Основная цель универсальных документов по борьбе с терроризмом — чтобы как можно больше государств-участников могли осуществлять судебное преследование предполагаемых террористов с тем, чтобы избежать создания безопасных убежищ для них и вытекающей из этого безнаказанности.

Один из потенциальных рисков, связанных с таким подходом, заключается в том, что одновременно заявлять о своей компетенции осуществлять уголовное преследование будут слишком много государств. Эта ситуация известна как положительный конфликт юрисдикций. Не обеспечивая создание жёсткого обязательного механизма для разрешения ситуаций такого рода, некоторые договоры, такие как Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, поощряют государства-участников координировать действия для достижения этой цели. В них не указывается, каким образом должна осуществляться координация, а также не указываются критерии определения того, какое государство будет осуществлять юрисдикцию. Такой подход призван обеспечить общие рамки сотрудничества, оставляя государствам-участникам больше возможностей для манёвра и принятия решений по осуждению или выдаче подозреваемого.

Существует ряд различных оснований для установления юрисдикций государств. При совершении преступления, охватываемого договорами, на территории определённого государства обычно ясно, что судебное преследование должно осуществлять это государство. Этот вид юрисдикции основывается на принципе территориальности: государства не разрешают использовать свою территорию в преступных или террористических целях. Таким образом, когда договорами от государств требуется установить свою компетенцию в отношении преступлений, совершаемых на их территории, это требование совпадает с тем, что государства уже делают на практике. В качестве расширения принципа территориальности предполагается, что государства могут осуществлять преследование за совершение преступлений на борту зарегистрированных в них морских и воздушных судов.

Тем не менее, универсальные инструменты противодействия терроризму идут дальше принципа территориальности, поскольку в них предусматривается, что у государств должна быть возможность осуществлять судебное преследование за некоторые преступления, совершенные за пределами их территории, но их собственными гражданами, независимо от места совершения преступления. Этот вид юрисдикции основывается на принципе «активного гражданства», когда государство заявляет о юрисдикции в отношении уголовного преступления, совершенного его гражданином за пределами его территории. Или же, согласно принципу «пассивного гражданства», государство заявляет о юрисдикции в отношении уголовного преступления, совершенного за пределами своей территории в тех случаях, когда среди жертв преступления, связанного с терроризмом, есть его граждане.

Дополнительные экстерриториальные основания юрисдикции излагаются только в конкретных документах. Например, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников требует от государств-участников установления юрисдикции в отношении описанных преступлений, когда они совершаются с целью заставить их правительства совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения. Как гласит общий принцип: «Тогда как юрисдикция, связанная с установлением закона, может быть экстерриториальной, юрисдикция в отношении обеспечения выполнения закона является исключительно территориальной. Государство не может обеспечить выполнение своего уголовного закона на территории другого государства без согласия последнего» (О'Кееfe, 2004, стр. 740; при этом возможны исключения, например, перехват поставок оружия массового уничтожения). По этой причине юрисдикция по установлению законов и юрисдикция по обеспечению их выполнения технически независимы друг от друга, несмотря на то, что на практике они взаимосвязаны.

Универсальная юрисдикция

Из всех правовых оснований для установления юрисдикции, несомненно, самыми сложными и деликатными в политическом отношении являются те, которые имеют отношение к универсальной юрисдикции. В сущности, концепция универсальной юрисдикции предполагает, что государства имеют право заявить о юрисдикции в отношении определённых предполагаемых тяжёлых преступлений, независимо от места совершения преступления, гражданства преступника и т.д. Тот факт, что точное значение и параметры понятия универсальной юрисдикции не ясны, только усугубляет деликатность этого вопроса. Как заявила специальная судья Van den Wyngaert в своём несогласном мнении в деле об Ордере на арест:

«Общепринятого определения универсальной юрисдикции в договорном или обычном международном праве не существует», отмечая, что: «существует много мнений относительно его правового значения» и что «может иметь место неопределённость ... в отношении определения (этого понятия)» (п. 44-46).

Хотя 19 документов ООН в области борьбы с терроризмом, также известных как универсальные (принять и присоединиться к ним могут все государства-члены ООН), обязывают государства определить состав уголовных преступлений и установить правовую юрисдикцию (часто называемую «экстерриториальной юрисдикцией») в отношении определённых деяний, совершаемых за пределами их территорий, это не относится к универсальной юрисдикции в том, как этот термин обычно понимается. Согласно таким документам, для установления юрисдикций в отношении преступлений, совершаемых за пределами его территории, до того, как государство-участник может заявить о юрисдикции в отношении уголовных преступлений, предположительно

совершенных за пределами его территории (например, его гражданин является предполагаемым преступником или жертвой), должны быть определены конкретные связи. Более того, в универсальных документах обычно предусматривается мера, ограничивающая принцип универсальности, которая воплощена в принципе aut dedere aut judicare, согласно которому всякий раз, когда лицо, обвиняемое в конкретном преступлении, находится на территории государства, такое государство должно осуществить расследование и либо привлечь такое лицо к уголовной ответственности, либо передать соответствующее лицо запрашивающему государству.

Для сравнения, согласно «принципу универсальности» государство приобретает юрисдикцию в отношении определённого преступления даже при отсутствии какой-либо связи с самой страной, поскольку предполагаемое преступление считается столь тяжким, что не может остаться без наказания. Данный принцип применяется в <u>Женевских конвенциях 1949 года</u> лишь в отношении лиц, совершивших «серьёзные нарушения», которые входят в перечень самых тяжких военных нарушений. Такой вид юрисдикции может существовать также в отношении тяжких международных преступлений независимо от того, основывается она на обычном международном праве и (или) международных договорах, как, например, Женевские конвенции 1949 года и Конвенция против пыток 1984 года. В основе этого вида юрисдикции лежит идея, что те, кто виновны в самых вопиющих преступлениях, не должны уйти от правосудия.

На национальном уровне могут существовать различия относительно возможности обеспечения универсальной юрисдикции внутренней правовой системой и того, каким образом она может быть осуществлена. Когда такая юрисдикция предусмотрена, как правило, она принимает одну из двух форм. Первая представляет собой узко понимаемое понятие, известное как «условная универсальная юрисдикция». Согласно этому подходу, государство может осуществлять уголовное преследование обвиняемого при условии, что подозреваемый был задержан и физически присутствовал на территории государства. Данный подход существует в рамках обычного международного права, например, в отношении преступлений связанных с пиратством, преступлений против человечества, большинства военных преступлений, геноцида и пыток (см. например, Schachter, 1991; Scharf, 2001). Также известны случаи его применения в отношении ряда международных преступлений, предусмотренных договорами, главным образом в отношении совершения большинства военных преступлений согласно 4 Женевским конвенциям 1949 года и Дополнительному протоколу I 1977 года к ним и применения пыток (статья 7 Конвенции против пыток 1984 года), а также преступлений, указанных в универсальных документах по борьбе с терроризмом, как отмечалось выше. Также следует отметить, что в рамках осуществления Римского статута 1998 года некоторые государства ввели законодательство, разрешающее их судам осуществлять универсальную юрисдикцию в отношении тяжких преступлений геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений, которой ранее у них не было (см. например, Закон о международных преступлениях и Международном уголовном суде 2000 года (Новая Зеландия); и Закон о преступлениях против человечности и военных преступлениях 2000 года (Канада).

Другой формой является широкое понятие, также известное как «абсолютная универсальная юрисдикция». В отличие от узкого понятия, этот подход не требует физического задержания или даже физического присутствия обвиняемого на территории государства для того, чтобы привлечь его к уголовной ответственности. Этот подход, как выяснилось, применяется в отношении намного меньшего числа преступлений, охватываемых международными договорами, главным образом в отношении совершения разновидностей самых серьёзных военных преступлений, так называемых «серьёзных нарушений» Женевских конвенций 1949 года и Дополнительного протокола

I (см., например, дело об *Ордере на арест*, в котором было отказано в применении юрисдикции в отношении международного ордера на арест на основании иммунитета). На практике, тем не менее, поскольку многие внутренние правовые системы не позволяют вести судебные разбирательства заочно, обвиняемый должен физически присутствовать на территории государства, осуществляющего судебное преследование до того, как начнётся судебное разбирательство, при этом подготовительная работа, как, например, уголовное расследование и сбор доказательств, может быть начата без физического присутствия подозреваемого.

Примечательно, что универсальная юрисдикция в своей «чистейшей» форме (т.е. осуществляемая при условии отсутствия какой-либо связи с гражданством обвиняемых или жертв, территорией, на которой произошли преступления, или национальностью жертв) была подвергнута серьёзной критике, а государства время от времени меняют законодательство с тем, чтобы учесть присущие этой концепции недостатки (например, Бельгия, Испания и Англия в последние годы сузили сферу универсальной юрисдикции в своих законодательствах) (см. например, Yee, 2011). Так, в деле об *Ордере на арест* 2000 года, упоминавшемся ранее, Международный суд потребовал от Бельгии отменить ордер на арест, выданный Бельгией в отношении министра иностранных дел бывшей Демократической Республики Конго Йероди Абдула Ндомбаси (п. 73)

Важно отметить, что это означает, что любые связанные с терроризмом преступления, переступающие порог тяжких международных преступлений, таких как военные преступления и преступления против человечества, могут попасть под универсальную юрисдикцию на многих уровнях и преследоваться со стороны любого государства, которое законодательно установило универсальную юрисдикцию.

Террористические преступления, предусматриваемые договорами — универсальные документы по борьбе с терроризмом

Несмотря на то, что террористические акты рассматриваются Советом Безопасности как угроза международному миру и безопасности, по большей части такие деяния не попадают в категорию «тяжких международных преступлений», таких как геноцид, военные преступления и преступления против человечества, хотя иногда они могут классифицироваться таким образом (будет представлено далее в данном Модуле). При этом террористическая деятельность относится к категории деяний, являющихся «предметом серьёзной обеспокоенности международного сообщества .... [который] по веским причинам не должен входить в исключительную юрисдикцию» местного государства (Дело о захвате заложников, 1953, стр. 636). Это обусловлено, как правило, её транснациональным характером, когда террористические акты и связанные с ними угрозы и последствия редко ограничиваются одной внутренней юрисдикций и в целом носят трансграничный характер.

Террористические преступления обычно представляют собой преступления, предусмотренные одним из 19 универсальных документов по борьбе с терроризмом. Также на национальном уровне могут быть установлены другие виды преступлений,

например, подстрекательство к терроризму, которые не рассматриваются в данном модуле (см. Модуль 13). Такие международные документы наряду с рядом важных резолюций Совета Безопасности, относящихся к терроризму (например, 1267 (1999), 1373 (2001) и 1540 (2004)), рассмотренные в Модуле 3, составляют то, что в УНП ООН принято называть «универсальным правовым режимом борьбы с терроризмом». Эти документы также работают в тандеме с другими соответствующими правовыми обязательствами государства, в частности в области международного права в области прав человека.

Подход, применяемый в универсальных документах по борьбе с терроризмом

Порядок переговоров и принятия международных договоров

Начиная с 1994 года, после принятия важной и часто упоминаемой Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, (резолюция 49/60), которая, как правило, переутверждается на ежегодной основе, Генеральная Ассамблея принимает активное участие в разработке универсальных документов по борьбе с терроризмом - традиционно называемых «отраслевыми» конвенциями. В качестве дополнения к ежегодной Декларации (резолюция 51/210) в 1996 году были учреждены Специальный комитет и рабочая группа для составления текстов дополнительных договоров, что способствовало процессу переговоров и принятия универсальных документов, например, Международной Конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года, а также текущим обсуждениям и переговорам в отношении глобального подхода к международному сотрудничеству в области международного терроризма.

Каждый из 19 универсальных правовых документов был разработан под эгидой ООН и её специализированных учреждений, в частности Международной организации гражданской авиации, Международной морской организации и Международного агентства по атомной энергии, и открыт для присоединения для всех государств-членов ООН. Они основаны на осуждении международного терроризма, который создает угрозу для международной безопасности и мира. Принятие ряда таких документов было ситуативным в том смысле, что переговоры по ним и их принятие осуществлялись в ответ на конкретные террористические атаки, например, захват судов и самолётов в 1960 и 1970 годах, или меняющийся характер терроризма, например, финансирование террористов или потенциальное использование оружия массового уничтожения, начиная с 1990-х годов.

Универсальные документы по борьбе с терроризмом

В рамках существующих универсальных документов предусмотрены следующие террористические акты:

- Акты незаконного захвата воздушных судов;
- Акты диверсии на борту воздушных судов;
- Акты насилия в аэропортах;
- Акты, направленные против безопасности морского судоходства;
- Акты, направленные против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе;
- Преступления против лиц, пользующихся международной защитой (например, похищение дипломатов);
- Акты незаконного захвата и обладания ядерного оружия;
- Акты захвата заложников;
- Акты бомбового терроризма;
- Акты финансирования террористических актов и террористических организаций;
- Использование воздушного суда в качестве оружия.

Подход к материальному уголовному составу

Эти универсальные документы обязывают государства-участников принимать меры материального уголовного права и процессуального права для борьбы с различными актами терроризма, а также административные меры в некоторых случаях для противодействия финансированию терроризма. Всеобъемлющая цель заключается в том, чтобы обеспечить сотрудников органов уголовного правосудия эффективными механизмами для предотвращения и наказания террористических актов. Эти меры предназначены для оказания как превентивного, так и сдерживающего эффекта в отношении терроризма. Сдерживающий эффект этих международных документов основывается частично на попытке согласовать уголовное законодательство государств и укрепить взаимодействие между правоохранительными органами и учреждениями системы уголовного правосудия. Такое взаимодействие имеет превентивную цель эффективная криминализация террористического поведения всеми государствами направлена на то, чтобы устранить возможности убежища для террористов и содействовать международному сотрудничеству между государственными учреждениями, участвующими в борьбе с терроризмом.

В некоторых случаях универсальные документы прямо предусматривают требование о соблюдении различных аспектов права в области прав человека. Например, в Международной конвенции по борьбе с финансированием терроризма 1999 года предусматривается ряд таких требований в дополнение непосредственно к статье 21, в которой чётко говорится, что данная Конвенция не затрагивает других прав, обязательств и обязанностей государств согласно международному праву. Аналогичным образом, статья 11 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против

<u>безопасности морского судоходства 2010 года</u> (Пекинская конвенция 2010 года) гарантирует «справедливое обращение» в соответствии с международным правом в области прав человека.

Как правило, в международном документе, например, договоре все или большинство ключевых терминов определяются с самого начала. В отсутствие общего согласованного определения терроризма универсальные документы не содержат определений террористических преступлений в целом как преступлений согласно международному праву. Они создают обязательство государствам-участникам криминализировать соответствующие преступления в рамках своего внутреннего законодательства (т.е. объективные и субъективные элементы преступления) для осуществления юрисдикции в отношении преступников в соответствии с установленными правилами и обеспечить механизмы международного сотрудничества, которые позволят государствам привлечь к уголовной ответственности или выдать предполагаемого преступника. С учётом этого, некоторые из последних конвенций, в частности Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года (статья 5) и Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 года (статья 6), ссылаются на наличие элемента mens rea, который отличает терроризм от других деяний, в частности на акты, «направленные или рассчитанные на обстановки среди широкой общественности, создание террора лиц или отдельных лиц».

Как можно видеть из перечня криминализированных деяний выше, международные документы предусматривают большинство видов террористической деятельности, которые можно в настоящее время предвидеть. При этом в настоящее время отсутствует специальная конвенция в области кибертерроризма (см., например, Fidler, 2016). Любая расширенная форма уголовной ответственности (общепринятая с точки зрения незавершённых или вспомогательных деяний или предварительных преступлений) в отношении таких деяний как попытка, сговор, пособничество в террористических актах, как правило, регулируется законодательством на национальном уровне в соответствии с требованиями различных систем общего права и континентального гражданского права. При разработке таких расширенных уголовных мер важно, чтобы государства гарантировали их достаточную приближённость к реальному или возможному осуществлению террористического акта с тем, чтобы обеспечить недопущение неправомерного применения местных законов в отношении деяний, не связанных с терроризмом. Это также относится к другим типам преступлений, связанным с высказываниями (например, подстрекательство, пропаганда или терроризма), чтобы обеспечить защиту фундаментальных свобод, таких как свобода объединения и выражения, (см. Модуль 13).

Требования о криминализации

Одним из основных компонентов всех (кроме двух) универсальных документов по борьбе с терроризмом является обязательство государств-участников ввести в национальное законодательство определённые уголовные преступления.

Устанавливающие состав преступления положения договоров содержат ряд общих признаков, которые можно резюмировать следующим образом:

• Каждое преступление описывается с учётом его объективных материальных элементов (actus reus) (например, действий, направленных на разрушение, размещение взрывчатых веществ, захват воздушных и морских судов и т. д.). В некоторых случаях дополнительным элементом состава преступления является создание опасности, независимо от того, было ли оно умышленным (например, не все акты насилия, совершаемые на борту воздушного судна, подпадают под

- действие <u>Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против</u> <u>безопасности гражданской авиации 1971 года</u>; она охватывает только те, которые могут создать угрозу безопасности).
- Субъективный элемент умысла (mens rea), устанавливающий состав преступления, требует того, чтобы преступление должно быть совершено «преднамеренно или умышленно». Этот «общий» умысел часто сопровождается «специальным», то есть дополнительным умыслом преступника вызвать смерть или причинить тяжкие телесные повреждения.
- Все содержащие требования о криминализации договоры обязывают государства-участников устанавливать такие составы преступления, в том числе покушение на совершение преступления и соучастие в совершении преступления (пособничество и подстрекательство).
- <u>Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года</u> и последующие документы содержат дополнительные требования о криминализации в отношении содействия совершению преступлений группой лиц, действующих с общей целью.
- Ни одной из конвенций не установлены применимые наказания, не считая требования о применении соразмерных наказаний с учётом тяжести этих преступлений.
- Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года и Протокол 2005 года к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства требуют от государств-участников введения ответственности юридических лиц, находящихся на их территории или учреждённых по их законам, когда лицо, ответственное за управление одним из этих юридических лиц или контроль за ним, совершает преступление, которое описано в двух вышеупомянутых документах. Такая ответственность не умаляет ответственности физических лиц, совершивших преступления.
- Кроме того, в соответствии с двумя вышеупомянутыми документами государства могут выбирать, будет ли ответственность юридических лиц считаться уголовной, гражданской или административной. Тем не менее, в отсутствие национального законодательства об ответственности юридических лиц и в том случае, если государство сочтёт целесообразным, чтобы эта ответственность носила уголовный характер, следует создать специальное положение о такой ответственности. Кроме того, предусмотрение гражданских или административных санкций может потребовать модификации других законов, в частности, банковское законодательство и законодательство, регулирующее деятельность компаний.

Обзор универсальных правовых документов по борьбе с терроризмом

Далее представлен краткий обзор вопросов, охватываемых каждой конвенцией и протоколом.

С принятием резолюции Совета Безопасности 1373 (2001), призывающей государства присоединиться к этим документам, процент их ратификации заметно увеличился. На сегодняшний день нет ни одного государства-члена ООН, которое бы не подписало или не присоединилось, по меньшей мере, к одному универсальному документу.

Краткий обзор универсальных правовых документов по борьбе с терроризмом

Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов 1963 года

(принята 14 сентября 1963 г., вступила в силу 4 декабря 1969 г.).

- Действует в отношении актов, совершаемых на борту воздушного судна.
- Уполномочивает Командира воздушного судна применить к такому лицу разумные меры, включая ограничительные меры, если он имеет достаточные основания полагать, что лицо совершило или готовится совершить на борту воздушного судна преступление или акты, предусмотренные конвенцией.
- Требует договаривающиеся государства взять правонарушителей под стражу и вернуть контроль над воздушным судном законному командиру.

Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года

(принята 16 декабря 1970 г., вступила в силу 14 октября 1971 г.).

- Признает преступлением совершение или попытку совершения любым лицом на борту воздушного судна, находящегося в полете, незаконно, путём насилия или угрозы применением насилия, или путём любой другой формы запугивания захват воздушного судна или осуществление над ним контроля.
- Требует от сторон Конвенции применять в отношении захватов суровые меры наказания.
- Требует от сторон, заключивших под стражу правонарушителей, экстрадиции или передачи дела для судебного расследования.
- Требует от сторон оказания содействия друг другу в связи с уголовным преследованием, возбуждённым в соответствии с Конвенцией.

Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 года

(принята 23 сентября 1971 г., вступила в силу 26 января 1973 г.).

- Признает преступлением для любого лица незаконное и преднамеренное совершение акта насилия в отношении лица, находящегося на борту воздушного судна в полете, если такой акт может угрожать безопасности этого воздушного судна; помещение взрывного устройства на воздушное судно; попытку осуществления таких действий; или соучастие в совершении или попытке совершения такого преступления.
- Требует от договаривающихся государств применять в отношении таких преступлений суровые меры наказания.
- Требует от сторон, заключивших под стражу правонарушителей, экстрадиции или передачи дела для судебного расследования.

Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов 1973 года

(принята 14 декабря 1973 года, вступила в силу 20 февраля 1977 г.).

• Определяет «лицом, пользующимся международной защитой» главу государства, в том числе каждого члена коллегиального органа, выполняющего функции главы государства согласно конституции соответствующего государства, главу правительства или министра иностранных дел, находящихся в иностранном государстве, а также сопровождающих членов его семьи. Требует от сторон введения уголовной ответственности и соответствующих наказаний за преступления с учётом их тяжкого характера, такие как преднамеренное убийство, похищение или другое нападение против личности или свободы лица, пользующегося международной защитой, насильственного нападения на официальное помещение, жилое помещение или транспортные средства такого лица; угрозу любого такого нападения; и «действия в качестве соучастника любого такого нападения».

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года (принята 17 декабря 1979 г., вступила в силу 3 июня 1983 г.).

• Устанавливает, что «любое лицо, которое захватывает или удерживает другое лицо и угрожает убить, нанести повреждение или продолжать удерживать другое лицо (здесь и далее именуемое как «заложник»), для того чтобы заставить третью сторону, а именно: государство, международную межправительственную организацию, какое-либо физическое или юридическое лицо или группу лиц — совершить или воздержаться от совершения любого акта в качестве прямого или косвенного условия для освобождения заложника, совершает преступление захвата заложника по смыслу настоящей Конвенции».

Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 года (принята 26 октября 1979 г., вступила в силу 8 февраля 1987 г.).

- Признает уголовным нарушением незаконное владение, использование, передачу или кражу ядерного материала и угрозу применения ядерного материала с целью повлечь смерть любого лица, причинить ему серьёзное увечье или причинить существенный ущерб собственности.
- Поправки к Конвенции о физической защите ядерного материала включают следующее: обязать государства-участников создать, ввести и поддерживать надлежащий режим с целью защиты от кражи и другого незаконного захвата ядерного материала при его использовании, хранении и перевозке; обеспечить сотрудничество между государствами в отношении оперативных и всеобъемлющих мер по обнаружению и, в надлежащих случаях, возвращению пропавшего или украденного ядерного материала, смягчению или сведению к минимуму радиологических последствий саботажа.

Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию 1988 года, дополняющий Конвенцию о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации

(принят 24 февраля 1988 г., вступил в силу 6 августа 1989 г.).

• Дополняет положения Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, террористическими актами в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию.

Конвенция по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 года

(принята 10 марта 1988, вступила в силу 1 марта 1992).

- Устанавливает правовой режим, применимый к актам, направленным против безопасности морского судоходства, аналогичный режимам в отношении международной авиации.
- Устанавливает, что любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно захватывает судно или осуществляет контроль над ним силой или угрозой силы или путём любой другой формы запугивания; совершает акт насилия против лица на борту судна, если этот акт может угрожать безопасному плаванию данного судна; помещает или совершает действия в целях помещения на борт судна каким бы то ни было способом устройство или вещество, которое может разрушить это судно; совершает другие действия, создающее угрозу безопасности судна.
- Протокол 2005 года, дополняющий Конвенцию по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, признает правонарушением использование судна для совершения террористического акта; перевозку различных материалов, сознавая, что они предназначены для причинения смерти или тяжёлых увечий и ущерба; перевозку на борту лиц, совершивших террористический акт.

Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 года

(принят 10 марта 1988 г., вступил в силу 1 марта 1992 г.).

- Устанавливает правовой режим, применимый к актам, направленным против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, аналогичный режимам, установленным в отношении международной авиации.
- Протокол 2005 года к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, принял изменения к Конвенции по борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, в контексте стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе.

Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ 1991 года

(принята 1 марта 1991 г., вступила в силу 21 июня 1998 г.).

- Направлена на контроль и ограничение использования немаркированных и не обнаруживаемых пластических взрывчатых веществ (переговоры были начаты в связи с взрывом рейса 103 авиакомпании «Pan Am» в 1988 году).
- Стороны обязаны осуществлять эффективный контроль на своих территориях в отношении «немаркированных пластических взрывчатых веществ».

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 года

(принята 15 декабря 1997 г., вступила в силу 23 мая 2001 г.).

• Устанавливает режим расширенной юрисдикции в отношении незаконного или преднамеренного использования взрывного или иного смертоносного устройства в пределах установленных мест общественного пользования с намерением причинить смерть или серьёзное увечье, а также намерения произвести значительное разрушение мест общественного пользования.

Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года

(принята 9 декабря 1999 г., вступила в силу 10 апреля 2002 г.).

- Требует от сторон принимать меры по предотвращению и противодействию прямому и косвенному финансированию терроризма.
- Обязывает государства привлекать к уголовной, гражданской или административной ответственности тех, кто финансирует терроризм.
- Предусматривает определение, обнаружение, блокировку или арест любых средств, используемых или выделенных в целях совершения террористических преступлений, а также раздел с другими государствами средств, полученных в результате конфискации, на основе рассмотрения каждого конкретного случая. Государства-участники не могут отклонять просьбы о взаимной правовой помощи, ссылаясь на банковскую тайну.

Проект всеобъемлющей конвенции о международном терроризме

В отличие от других международных правовых режимов, в том числе регулирующих права человека и вооружённые конфликты, в настоящее время нет всеобъемлющего договора или всеобъемлющего правового режима в отношении терроризма и противодействия ему. Несмотря на то, что существующий многоаспектный правовой режим, изложенный выше, обеспечил возможность государствам реагировать на существующие формы терроризма, многие считают, что дальнейшему укреплению этого режима будет способствовать принятие многостороннего общепринятого договора. Несомненно, достижение всеобщего согласия относительно определения терроризма, которое станет неотъемлемым элементом окончательного текста, может способствовать повышению международной сплочённости, согласованности и уверенности в подходе, наряду с соответствующими преимуществами соблюдения принципа верховенства права. Группа высокого уровня, учреждённая Генеральным секретарём ООН, отмечала в 2004 году:

Нормы, регулирующие применение силы негосударственными акторами, отстают от норм, касающихся государств ... В отношении применения силы негосударственными акторами Организация Объединённых Наций должна достичь такого же уровня нормативной силы, что и в отношении применения силы государствами. Отсутствие согласия относительно чёткого и общеизвестного

определения подрывает нормативные и моральные позиции в борьбе против терроризма и ложится пятном на репутацию Организации Объединенных Наций (доклад Генеральной Ассамблеей А/59/565, п. 159).

Одной из первых попыток согласовать универсальное определение терроризма в контексте международного договора была Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него 1937 года, которая пыталась определить трансграничный терроризм как международное преступление. В статье 1 даётся следующее определение терроризма — «преступное деяние, направленное против государства с целью или с расчётом вызвать чувство страха у отдельно взятых лиц, или группы лиц, или неограниченного круга лиц, нападение на государственных чиновников, глав государств и членов их семей или разрушение общественных зданий и сооружений». Конвенция налагала на подписавшие её страны обязательство по введению в действие законов, которые предусматривают выдачу собственных граждан, совершивших подобные преступления на территории другого государства. Данная конвенция, как и параллельный договор, направленный на создание международного суда для рассмотрения дел обвиняемых террористов (Конвенция 1937 года о создании международного уголовного суда), так и не вступила в силу отчасти из-за разногласий относительно статей экстрадиции, что препятствовало её ратификации.

В 2000 году Индия неофициально представила рабочий документ по проекту всеобъемлющей конвенции Специальному комитету по международному терроризму (доклад C.6/55/L.2, Приложение II). С того момента государства-участники ведут переговоры по тексту проекта всеобъемлющей конвенции о международном терроризме (всеобъемлющая конвенция). Она призвана дополнить существующую рамочную основу универсальных документов по борьбе с терроризмом и будет опираться на существующие основные руководящие принципы. Они включают следующее:

- Важность криминализации террористических преступлений, установление за эти преступления наказания согласно закону и призыв к преследованию или экстрадиции предполагаемых преступников;
- Необходимость отменить законы, устанавливающие исключения для такой криминализации по соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера;
- Настоятельный призыв к государствам-членам принять меры по предотвращению террористических актов; и
- Акцент на необходимость для государств-участников сотрудничать, обмениваться информацией и оказывать друг другу самую полную помощь со стороны полиции и судебных органов в предотвращении, расследовании и преследовании террористических актов.

Важность проекта всеобъемлющей конвенции также признается в Глобальной контртеррористической стратегии ООН, которая призывает государства «рассмотреть вопрос о присоединении без промедления в качестве сторон к существующим международным конвенциям и протоколам против терроризма и об их осуществлении и приложить все усилия для согласования и заключения всеобъемлющей конвенции о международном терроризме» (доклад Генеральной Ассамблеей A/RES/60/288, Приложение План действий, преамбула, п. 2(a)).

С точки зрения её связи с существующими универсальными документами, проект всеобъемлющей конвенции будет служить «зонтичным» договором, заполняя пробелы, связанные не в последнюю очередь с определением террористических преступлений, их

субъективных и объективных элементов. Она не заменит собой универсальные документы и не сделает их ненужными. Кроме того, некоторые эксперты предполагают, что новая конвенция должна или будет иметь приоритет в качестве lex specialis перед другими документами по борьбе с терроризмом, в том числе в случае какого-либо нормативного или понятийного конфликта между ними. Особенно полезно это может быть в отношении ряда региональных договоров, которые могут предусматривать более расплывчатое, иногда слишком широкое определение терроризма, что потенциально может способствовать скорее дискредитации, чем продвижению и укреплению принципа верховенства права в этих условиях. Обеспечение взаимосвязи между существующими документами по борьбе с терроризмом и всеобъемлющей конвенцией может быть менее проблематичным, поскольку охват таких документов достаточно ограничен из-за их направленности на конкретные физические проявления террористической деятельности.

В свою очередь потенциально это может помочь внести дополнительную ясность в национальные определения терроризма и, тем самым, укрепить однозначность принципа верховенства права в рамках внутренней системы уголовного правосудия, совместимого с принципом законности, предусмотренным в статье 15 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), согласно которой должна быть обеспечена предсказуемость и доступность информации о любом уголовном преступлении и связанным с ним наказанием. Неоднозначность формулировок национального контртеррористического законодательства была и продолжает оставаться причиной для беспокойства, в том числе Комитета по правам человека ООН (ССРР/С/RUS/СО/6, п. 7 и п. 26), а также Специального докладчика по вопросам поощрения и защиты прав человека в условиях борьбы с терроризмом. Некоторые из основных вопросов, вызывающих обеспокоенность, отражены в следующих замечаниях, которые, хоть и были сделаны в отношении одного конкретного государства, имеют более глобальное значение:

Расплывчатая формулировка преступления коллаборационизма [с террористической организацией] создаёт риск его применения в отношении деяний, не связанных с какой-либо формой насильственной деятельности, а нечёткость некоторых положений ... в Уголовном кодексе таит в себе угрозу «скользкого пути», т.е. постепенного распространения понятия терроризма на деяния, которые не представляют собой акты серьёзного насилия против представителей широких слоёв населения и не имеют достаточной связи с такими актами (Генеральная Ассамблея, доклад Комитета по правам человека ООН А/HRC/10/3/Add.2, п. 9 и 52).

С начала переговоров удалось достичь многого, при этом в настоящее время достигнута договорённость по большей части текста проекта конвенции. Тем не менее, по-прежнему не удаётся достичь окончательной договорённости по определению терроризма из-за несогласия касательно исключений в отношении преследования актов, например, актов, совершенных в ходе борьбы за освобождение, как рассматривается далее. Поскольку этот вопрос является краеугольным камнем текста договора и одной из его главных целей, его окончательную формулировку невозможно принять без договорённости по нему. При этом был достигнут консенсус по ряду ключевых аспектов, в частности в том, что определение должно охватывать тяжёлые уголовные деяния (основные примеры которых приведены в существующих универсальных документах) против гражданского населения с целью посеять страх среди всего населения или некоторых его групп или заставить национальные или международные органы предпринять действия или воздержаться от них; вне зависимости от соображений политического, идеологического

или религиозного характера, лежащих в основе таких деяний (см. *Промежуточное решение*, 2011 г., п. 85; Резолюция Генеральной Ассамблеи 49/60).

Текст проекта всеобъемлющей конвенции *

Самая последняя версия статьи 2 проекта всеобъемлющей конвенции ООН, регулирующей уголовные деяния, гласит следующее:

- 1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно, используя любые средства, незаконно и умышленно причиняет:
- (а) смерть или тяжкое телесное повреждение любому лицу; или
- (b) серьёзный ущерб государственной или частной собственности, в том числе месту общественного пользования, государственному или правительственному объекту, системе общественного транспорта, объекту инфраструктуры или окружающей среде; или
- (c) ущерб собственности, местам, объектам или системам, упомянутым в пункте 1(b) настоящей статьи, который влечёт или может повлечь крупные экономические убытки;

когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

* ООН, Генеральная Ассамблея (2005). <u>Письмо Председателя Шестого комитета от 3 августа 2005 года на имя Председателя Генеральной Ассамблеи</u>. 12 августа. А/59/894. Приложение II Проект всеобъемлющей конвенции против международного терроризма, стр. 9.

Текущее положение (по состоянию на июнь 2018 года)

Несмотря на достигнутый прогресс в переговорах и подготовке текста, по-прежнему сохраняется ряд серьёзных препятствий, которые необходимо преодолеть для того, чтобы проект всеобъемлющей конвенции был принят в качестве текста договора. Сохраняющиеся препятствия связаны с возможными исключениями из сферы применения конвенции.

Одним из препятствий по-прежнему является определение терроризма и террористических преступлений, в частности в отношении самоопределения, а также определений борьбы и групп. Основные разногласия здесь возникли между теми государствами и другими акторами, которые хотят, чтобы сфера применения проекта конвенции была всеобъемлющей без исключений даже в отношении тех, кто участвует в вооружённой борьбе за самоопределение; и теми государствами и акторами, которые не рассматривают лица и группы, участвующие в том, что такие государства считают законной борьбой за самоопределение, в качестве террористов.

Ещё одним камнем преткновения стала попытка достичь договорённости относительно сферы применения конвенции в отношении действий вооружённых сил государства во время столкновений с негосударственными акторами, участвующими в вооружённой борьбе за самоопределение. Особое внимание здесь уделялось тому, что любое определение терроризма, разработанное в целях уголовного правосудия, не должно

дезориентировать существующий режим, применимый к ситуациям вооружённых конфликтов или другим ситуациям, к которым применимы нормы международного гуманитарного права, главным образом, поскольку такой режим предусматривает чётко сформулированные положения в отношении средств и методов ведения войны террористов. Вопросы, связанные с так называемым государственным спонсорством терроризма, являются невысказанным, но продолжительным источником разногласий.

В 2011 году тупиковая ситуация с достижением договорённости по глобальному определению терроризма, и, соответственно, всего текста договора из-за продолжающихся разногласий по спорным вопросам послужила причиной того, что Шестой комитет Генеральной Ассамблеи эффективно приостановил переговоры по конвенции до 2013 года, когда был вновь созван Специальный комитет, что все же не помогло добиться существенного прогресса по достижению договорённости, без которой не может быть назначена международная конференция для завершения проекта текста. Специальный комитет работает исходя из принципа: «ничто не согласовано, пока не будет согласовано все».

После этого Специальный комитет не проводил рабочих сессий (2014-2017 гг.) по проекту текста, хотя работа продолжается в рамках рабочей группы Шестого комитета Генеральной Ассамблеи. В резолюции 2016 года по данному вопросу (71/151) Генеральная Ассамблея вновь рекомендовала создать рабочую группу с целью окончательной подготовки текста проекта всеобъемлющей конвенции, призывая все государства-члены удвоить свои усилия для решения всех открытых вопросов. На сегодняшний день соглашение остаётся труднодостижимым.

Принципы и механизмы, лежащие в основе универсальных документов по борьбе с терроризмом

Важной и примечательной особенностью универсальных документов является то, что они основываются на общих основных правовых принципах и соответствующих механизмах, направленных на содействие международному сотрудничеству.

Примечательно, что эти принципы определяют взаимную правовую помощь, экстрадицию, передачу заключенных, передачу судопроизводства по уголовным делам, международное сотрудничество в целях конфискации доходов, полученных преступным путем, возращение активов и т.д. Соответствующие механизмы хоть в целом и регулируются внутренним законодательством, подкрепляются региональными или международными соглашениями или договоренностями, в том числе универсальными документами по борьбе с терроризмом, Конвенцией Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года и Конвенцией ООН о борьбе с коррупцией 2003 года. Все эти механизмы быстро эволюционируют, чтобы идти в ногу с развитием новых технологий. Для того чтобы эти принципы и механизмы были эффективны на практике, важно обеспечить их полное включение и внедрение в национальные правовые системы.

Обязательство выдать или привлечь к суду

Принцип aut dedere, aut judicare, также известный как «либо выдай, либо суди», является обязательством, обозначенным в универсальных документах по борьбе с терроризмом, и косвенно признается в резолюции Совета Безопасности 1373 (2001) (п. 2(e) и 3(d)). (См. также резолюцию СБ ООН 1456 (2003), п. 3; 1566 (2004), п. 2). Данный принцип выражает общую цель государств в борьбе с серьезными видами преступлений и излагает альтернативы для запрашиваемого государства при получении запроса о выдаче какоголибо лица, находящегося на его территории: после расследования оно должно либо передать соответствующее лицо запрашивающему государству, либо рассмотреть дело в собственных судах (на основе фактов и доказательств и в соответствии с национальным законодательством и процедурами). [Запрашиваемое государство также должно действовать в соответствии со своими обязательствами по договорам о двойной уголовной ответственности/экстрадиции, если только не существует соглашения об экстрадиции исключительно на основе prima facie, например, Европейский ордер на расследования запрашиваемому государству будут необходимы доказательства, судебные поручения и другие материалы от запрашивающего государства]. Ключевым основополагающим и руководящим принципом является то, что при принятии решения о преследовании или выдаче лица, подозреваемого в совершении террористического преступления, все предварительные расследования, решения и процессуальные действия должны осуществляться запрашиваемым государством добросовестно.

Принцип «либо выдай, либо суди», как правило, требует от заинтересованных государств установления своей юрисдикции, что может быть сделано различными способами, например, используя принцип территориальной юрисдикции, обычной или расширенной, главным образом путем идентификации своих судов и государственных воздушных судов; а также принцип гражданства, в частности, активного гражданства, путем установления гражданства в целях расширения юрисдикции государства на лиц, подозреваемых или совершивших преступление. Также существует понятие пассивного гражданства, когда государство, чьим гражданином является жертва преступления, имеет юрисдикцию преследовать преступника. Более того, ряд конвенций позволяет государствам создавать факультативную юрисдикцию в отношении предполагаемого преступника, который обычно проживает на территории этого государства, или если преступление затрагивает интересы этого государства.

Универсальные документы обеспечивают ясную правовую основу для преследования и наказания террористов хоть и с некоторыми ограничениями, которые также могут выступать в качестве гарантий. Например, в связи с существованием дискреционных полномочий, относящихся к судебному преследованию как прерогативе государства, государство может отклонить просьбу о выдаче или могут иметь место конкурирующие притязания на осуществление юрисдикции. Как показало дело о взрыве над Локерби в 2000 году (которое будет обсуждаться далее в настоящем Модуле), система также не защищена от политизации.

В практическом применении принципа aut dedere aut judicare возникает ряд проблем. В большинстве случаев, например, в распоряжении государства, принявшего решение о судебном преследовании вместо выдачи, не будет необходимых доказательств, потому что преступление совершено за пределами его территории. Это является одной из причин, по которой для того или иного государства может оказаться практически невозможным полностью осуществить этот принцип договорного обязательства в отсутствие хорошо работающих каналов взаимной правовой помощи с другими государствами-участниками. В других обстоятельствах могут возникать политические

трудности: например, государство, чей запрос о выдаче был отклонен по соображениям, связанным с правами человека, может не выказывать желания содействовать (посредством передачи доказательств, направления свидетелей и т.д.) судебному преследованию в государстве, которое отклонило запрос о выдаче. Несмотря на эти и другие препятствия, принцип aut dedere aut judicare представляет собой краеугольный камень универсальных документов по борьбе с терроризмом и потенциально является одним из наиболее значимых судебных механизмов международного сотрудничества.

Экстрадиция

Экстрадиция представляет собой процедуру, посредством которой суверенное государство, именуемое «запрашиваемым государством», соглашается передать лицо другому суверенному государству, именуемому «запрашивающим государством», для уголовного преследования, либо если такое лицо признано виновным и осуждено - для исполнения наказания.

Согласно требованиям двойной подсудности, выдача возможна лишь при условии, что деяние является наказуемым по законодательству как запрашиваемого, так и запрашивающего государства. Название преступления и элементы, делающие его уголовным деянием, необязательно должны быть абсолютно идентичными при условии, что подозреваемый может быть наказан за такое деяние в обоих государствах. В связи с этим криминализация установленных террористических актов и их включение в национальное уголовное право является центральным элементом соответствующих универсальных документов в целях содействия такому международному сотрудничеству.

Как обсуждалось ранее, когда лицо, предположительно совершившее преступление, находится на территории государства-участника и власти такого государства-участника убедились по результатам расследования, что обстоятельства того требуют, такое государство обязано в соответствии со своим законодательством заключить это лицо под стражу (если оно уже не сделало этого) или принять иные надлежащие меры по обеспечению его присутствия для уголовного преследования или выдачи. Это должно быть сделано независимо от того, было ли преступление совершено на его территории или же государство получило запрос на предварительный арест в ожидании получения официального запроса о выдаче. В универсальных документах по борьбе с терроризмом выдача преступника не носит обязательного характера, а указывается как одно из возможных действий. Обязательство подвергнуть лицо уголовному преследованию, таким образом, зависит от решения не выдавать его.

В последнее время в договорах о выдаче наметилась тенденция к смягчению жесткого применения определенных обоснований для отказа в просьбе о выдаче. Помимо этого, принцип взаимного признания все больше воспринимается в качестве средства для расширения сотрудничества в судебной сфере между странами с различными правовыми системами и замены громоздких процедур оперативными процедурами, которые признают целостность других правовых систем. Такой подход может принимать различные формы, например, двусторонние соглашения между государствами или в качестве регионального примера - Европейский ордер на арест.

Существует ряд обстоятельств, при которых выдача запрашиваемому государству будет невозможной или маловероятной, например, когда предполагаемое преступление относится к категории политического преступления, т.е. совершается в ходе политического восстания (см., например, Дело Кастиони, 1890). Трудности могут возникнуть также в случаях, когда, например, подозреваемому в случае признания его виновным может грозить смертная казнь и это противоречит, например, Европейской

конвенции о правах человека, если выдающее государство является стороной договора, или когда существует значительный риск того, что в отношении этого лица может быть применено запрещённое нормой *jus cogens* обращение, например, пытки, или может иметь место несправедливое судебное разбирательство в связи с риском использования доказательств, полученных с помощью пыток, или последствия такой выдачи могут нарушить принцип недопустимости принудительного возвращения (*Дело Осман против Соединённого Королевства*, 1998). В некоторых ситуациях такие препятствия могут быть преодолены, например, посредством дипломатического соглашения или заверений о том, что это лицо в случае признания виновным не будет приговорено к смертной казни или подвергнуто недопустимому обращению, такому как, например, пытки (см. Модуль 3 и 9).

Взаимная правовая помощь

В условиях транснационального характера национальные власти все больше нуждаются в содействии властей других стран в целях эффективного расследования, привлечения к ответственности и наказания правонарушителей, в частности, тех, кто совершил международные террористические преступления. Такая необходимость отражена в тексте и соответствующих обязательствах резолюции Совета Безопасности 1373 (2001). Например, соответствующие свидетельства могут существовать в ряде юрисдикций. Также может быть, что одно государство имеет больше возможностей осуществлять преследование подозреваемых в терроризме по сравнению с другими (например, из-за наличия доказательств и свидетелей), тем самым повышая вероятность осуществления успешного уголовного преследования.

Для достижения этой цели государства чаще всего используют двусторонние или многосторонние договоры о взаимной правовой помощи по уголовным делам в дополнение к существующим неофициальным механизмам сотрудничества. Эти инструменты содействуют работе сотрудников органов уголовного правосудия по целому ряду направлений. Например, они позволяют властям получать доказательства за рубежом посредством процедуры, допустимой в рамках их внутреннего законодательства, с целью вызова свидетелей, отслеживания лиц, подготовки документов и других доказательных материалов и выдачи ордеров на арест и повесток.

В целях осуществления взаимной правой помощи преступления, определенные в универсальных документах по борьбе с терроризмом, не могут обычно рассматриваться в качестве политических преступлений или преступлений, совершенных по политическим мотивам, хотя некоторые региональные контртеррористические документы попрежнему предусматривают такое исключение. Соответственно, запрос на оказание взаимной правой помощи в отношении любого такого преступления не может быть отклонен исключительно на таких основаниях.

Тяжкие международные преступления

Как неоднократно упоминалось в этом Модуле, в дополнение к преступлениям терроризма, определенным в универсальных документах по борьбе с терроризмом, которые должны быть включены государствами-участниками во внутреннее уголовное законодательство, существует возможность преследования за некоторые террористические преступления как тяжкие международные преступления, вне зависимости предусмотрены ли они нормами обычного международного права или кодифицированы в текстах договоров, например, Римского статута 1998 года. В любом случае, несмотря на то, что эти преступления уже существуют в рамках обычного международного права (Bassiouni, 1999, стр. 522), граждане государств, не являющихся участниками определённых договоров, могут теоретически преследоваться за их совершение (см. Римский статут 1998 г., статья 98 и Патриотический акт США (2001 г.)).

Тяжкими международными преступлениями, имеющими непосредственное отношение к данному Модулю, являются преступления против человечества, военные преступления и геноцид. Как показывают недавние обсуждения и дебаты относительно чудовищных преступлений Исламского государства и того, как привлечь виновных к ответственности, определённые террористические акты могут перейти правовую грань, необходимую для установления таких наиболее серьёзных международных преступлений. Аналогичным образом, совершение тяжелых международных преступлений может быть вменено и террористическим группам, например, организации «Боко использующей сексуальное насилие в качестве средства террора, в отношении которой Международный уголовный суд (МУС) начал расследование за преступления против человечества и военные преступления (см. Международный уголовный суд, канцелярия Прокурора, 2017, стр. 46).

Преступления против человечности

Основными элементами «преступлений против человечности», как определяется в статье 7 Римского статута, являются определенные запрещенные деяния, которые «совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, и если такое нападение совершается сознательно». Запрещенные деяния включают такие преступления как убийство, истребление, бесчеловечные деяния, преследование, пытки, изнасилование, обращение в сексуальное рабство и насильственное исчезновение людей (статья 7(2)), которые обычно образуют основу террористических актов. Не существует единого источника, который бы определял точное значение ключевых элементов преступления против человечности. Даже документ «Элементы преступлений» Международного уголовного суда (2011), несмотря на определение необходимых элементов, составляющих каждый вид преступления, не дает определения каких-либо терминов за исключением минимальных во «Введении» к статье 7 и сносках. Дополнительную ясность в толкование таких терминов внесла международная судебная практика, в частности, практика специальных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде.

Не существует какого-либо международного договора, посвящённого преступлениям против человечности, подобно такому, который имеется в отношении военных преступлений и геноцида. Несмотря на то, что судебная практика не всегда была последовательной, ключевые элементы, а именно элементы «широкомасштабности» и «систематичности» подразумевают существенный элемент «серьезного характера» (доклад Совет Безопасности S/25704, п. 48), результатом чего являются

многочисленность жертв и «исключение отдельных или произвольных актов» (Прокурор против Тадича, 1997, п. 646). Особенно актуальным для преступлений, связанных с терроризмом, является тот факт, что преступление может быть «широко распространено» посредством «совокупного эффекта серии бесчеловечных актов или единственного воздействия бесчеловечного акта чрезвычайного масштаба» (Прокурор против Бласкика, 2000, п. 206). При этом одним из критериев является то, что некоторые, но не все, террористические атаки должны отвечать такому требованию, как организованный, скоординированный и не случайный характер атак, как, например, атаки 11 сентября, совершенные «Аль-Каидой» в 2001 году, или террористические нападения в Мумбаи, совершенные «Лашкар-и-Тайба» в ноябре 2008 года, подготовка и осуществление которых было широкомасштабным. Преступления против человечности первоначально подлежали преследованию только в случае, если они осуществлялись в ходе вооружённого конфликта, но в последние годы было достигнуто понимание, что преследование по ним может осуществляться вне зависимости от того, были ли они совершены в мирное время или в условиях вооружённого конфликта, а в техническом плане они могут быть совершены только против гражданских лиц, хотя, принимая во внимание отсутствие глобальной конвенции по таким преступлениям, точные параметры того, что это означает на практике, не полностью и не всегда ясны. Конечно, многие эксперты полагают, что террористические атаки 11 сентября отвечают всем необходимым критериям, чтобы квалифицироваться как преступление против человечества.

Военные преступления

В отличие от преступлений против человечности, которые могут совершаться как в мирное время, так и во время вооруженного конфликта, военные преступления должны иметь связь с ситуацией вооруженного конфликта. Эти преступления влекут за собой нарушения международного гуманитарного права, такие как преднамеренные или неизбирательные нападения на гражданских лиц, пытки или жестокое обращение с людьми и т.д.

Даже при наличии ситуации военного конфликта структура, организация и *modus* operandi, по крайней мере, большинства террористических организаций таковы, что они не позволяют квалифицировать их как «организованная вооружённая группировка», может быть участником вооружённого конфликта, немеждународного вооружённого конфликта. Исключением, пожалуй, может стать Исламское государство, которое было участником недавних конфликтов в Ираке и Сирии. Факты свидетельствуют о том, что это хорошо структурированная, организованная и располагающая большими ресурсами организация. В свою очередь, по имеющейся информации, Исламское государство не питает никакого уважения к международному гуманитарному праву и нарушает многие его аспекты, в том числе общую статью 3 Женевских конвенций 1949 года, которая предусматривает соблюдение минимальных гуманитарных обязательств в ходе любого вооружённого конфликта посредством таких своих действий, как масштабные, преднамеренные атаки на гражданское население в нарушение принципа разграничения, сексуальное насилие и обращение в рабство, мародёрство, пытки, разрушение культурных ценностей и т.д. При этом они используют тактику и методы, которые обычно ассоциируются с военными преступлениями и террористическими актами, например, умышленное убийство и масштабное преднамеренное разрушение культурных ценностей, наряду с террористическими актами и методами, прямо запрещёнными международным гуманитарным правом (см. Модуль 6), например, преднамеренными актами устрашения гражданского населения (см. Женевская конвенция IV в отношении гражданского населения, статья 33; Дополнительный протокол 1, статья 51; и, Дополнительный Протокол II, статьи 4 и 13).

В том, что касается элементов, связанных с применением террора против гражданского населения, как и в случае других видов военных преступлений материальный элемент может принимать форму атаки, преднамеренно или безжалостно направленной против гражданского населения (т.е. не просто побочный ущерб, степень которого является допустимой согласно международному гуманитарному праву как реальность конфликта), или атаки, имеющей неизбирательный или несоразмерный характер. С точки зрения элемента трудность заключается в том, ЧТО субъективного продемонстрировать «конкретное намерение», как обсуждалось в данном Модуле, т.е., что главной целью преступного деяния было распространение террора среди гражданского населения (Прокурор против Галича, 2006, п. 103-104). Это будет трудно доказать в связи с наличием аргумента защиты о «сопутствующем ущербе». Также, несмотря на то, что точное значение «террора» является неясным и спорным, Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии определил его в том значении, что необходим «чрезвычайный ужас» определённой интенсивности и длительности (Прокурор против Галича, 2006, п. 137), или «преднамеренное лишение чувства безопасности» среди лиц, не участвующих в военных действиях» (Прокурор против Драгомира Милошевича, 2007, п. 886).

Несмотря на то, что такие террористические акты, как правило, не оговариваются в международных уголовных документах, в том числе в Римском статуте и статуте Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, в то же время они включены в уставы Международного уголовного трибунала по Руанде и Специального суда по Сьерра-Леоне — трибуналы смогли на практике обойти это ограничение, используя свою судебную практику (*Прокурор против Галича*, 2006, п. 97-105). Позиция на сегодняшний день, очевидно, заключается в том, что умышленное осуществление террора среди гражданского населения является военным преступлением в нарушение как договора, так и обычного международного права (Henckaerts and Doswald-Beck, 2005, стр. 8-11).

Геноцид

В число тяжких международных преступлений, которые могут быть осуществлены террористами, входят преступления против человечности и военные преступления. Теоретически, хоть и в исключительных случаях они могут квалифицироваться как геноцид. Несомненно, когда Международная независимая комиссия ООН по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике опубликовала свой доклад в июне 2016 года, в нем был сделан вывод о том, что помимо многочисленных преступлений против человечности и военных преступлений Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ) также совершило акты геноцида против езидов (Совет по правам человека, доклад Международной независимой комиссии ООН по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике А/HRC/32/CRP.2).

Объективные элементы определены в <u>Конвенции 1948 года о предупреждении</u> <u>преступления геноцида и наказании за него</u> (Конвенция о геноциде) (статья II), отражая то, что считается обычным международным правом и основой статьи 6 Римского статута, следующим образом:

В настоящей Конвенции под геноцидом понимаются следующие действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую:

- (а) убийство членов такой группы;
- (b) причинение серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- (c) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на её полное или частичное физическое уничтожение;
- (d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- (е) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Дальнейшая ясность касательно значения этих элементов была внесена посредством правовой практики Международного уголовного трибунала по Руанде, в том числе в деле Akaecy. Термин «убийство» интерпретировался как умышленное убийство, т.е. как добровольное или преднамеренное убийство (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 500-501). Несмотря на требование «причинения серьёзных телесных повреждений или умственного расстройства», это «не обязательно означает, что «такие повреждения носят постоянный или неисправимый характер» (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 502-504) несмотря на то, что оно должно быть значительным и не поверхностным по своему характеру. Вместо этого, «такое деяние должно подразумевать причинение вреда, которое выходит за рамки временного несчастья, смущения или унижения. Это должен быть такой вред, результатом причинения которого является серьёзный и длительный ущерб способности человека вести нормальную и созидательную жизнь..... Палата считает, что нечеловеческое обращение, пытки, изнасилования, сексуальное насилие и депортация являются деяниями, которые могут причинить серьёзное телесное повреждение или психическое расстройство» (Прокурор против Радислава Крштича, 2001, п. 513). Вред может включать акты телесных или умственных пыток, сексуальное насилие и преследование (Прокурор против Джорджа Андерсон Ндерубумве Рутаганда, 1999, п. 51). В отношении «предумышленного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на её полное или частичное уничтожение», это может принимать такие формы как «применение к группе людей режима питания на уровне поддержания жизнедеятельности, ограничения систематическое изгнание из своих домов и сокращение базовых медицинских услуг ниже требуемого минимума» (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 505-506) или «предумышленное лишение жизненно необходимых ресурсов, таких как еда и медицинские услуги» (Прокурор против Клемента Кайшемы и Обеда Рузиданы, 1999, п. 116). Также необходимо отметить, что меры по насильственному сокращению деторождения также могут принимать различные формы как физические, так и психологические и включать не только сексуальные увечья, стерилизацию, насильственный контроль рождаемости и т.д., но также изнасилования с целью предотвращения деторождения, когда изнасилованные женщины отказываются в последствии производить потомство (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 507-508). Несомненно, изнасилования - характерная черта преступных деяний Исламского государства и группировки «Боко Харам», которые иногда приводили к гибели в результате полученных травм. Насильственная передача детей также часто сопровождается угрозами и унижением (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 509).

С точки зрения масштаба деяния, полностью или частично, геноцид может принимать различные формы. Например, Судебная палата в Кристиче пришла к заключению, что «намерение уничтожить группу людей в пределах ограниченной географической

местности, например, региона страны или даже муниципалитета» может быть охарактеризовано как геноцид (*Прокурор против Жан-Поля Акаесу*, 1998, п. 589).

Что касается субъективного элемента для установления факта геноцида, то он изложен в статье II (1) Конвенции о геноциде (а также в соответствующем обычном праве), а именно - «намерение уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Этот вид умысла квалифицируется как dolus specialis, т.е. необходимо наличие отягчающего, специального преступного намерения помимо преступного умысла совершить объективный состав преступления, описанный выше. Он является конкретным и намеренным по характеру, т.е. подразумевает большее, чем просто халатность или грубая небрежность. Международный трибунал по Руанде определил «конкретный умысел» как «конкретное намерение, необходимое в качестве составного элемента преступления, которое подразумевает, что преступник совершенно очевидно стремился совершить преступный акт» (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 498). О наличии конкретного умысла можно сделать вывод из определённого ряда презумпций факта - «из действий или высказываний обвиняемого, или общего контекста, в котором были совершены другие систематические преступные акты против той же самой группы лиц вне зависимости от того, были ли совершены эти акты одним и тем же преступником или же другими преступниками» (Прокурор против Жан-Поля Акаесу, 1998, п. 523).

И хотя совершить такое преступление, в котором будут присутствовать необходимые объективные и субъективные элементы, непросто, тем не менее, как показал текущий дискурс в отношении возможного совершения геноцида против езидов, это представляется технически возможным для террористов.

Наконец, статья III Конвенции о геноциде дополняет, что:

Наказуемы следующие деяния:

- а. геноцид;
- b. заговор с целью совершения геноцида;
- с. прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида;
- d. покушение на совершение геноцида;
- е. соучастие в геноциде.

Уставы МТБЮ (Международный трибунал по бывшей Югославии) и МТР (Международный трибунал по Руанде) отражают это расширенное определение данного преступления, а Римский статут 1998 года нет.

Практические проблемы

Даже в случаях, когда могут быть определены объективные и субъективные элементы международных преступлений, а также в случаях преступлений, предусматриваемых универсальными документами по борьбе с терроризмом, существует множество практических проблем, связанных с расследованием и преследованием террористов за совершение тяжких международных преступлений, вне зависимости основываются ли они на обычном международном праве, международном договоре, как, например, Конвенция о геноциде 1948 года, или резолюциях Совета Безопасности, которые послужили основой для уставов Международного трибунала по бывшей Югославии и Руанде (Резолюция СБ ООН 827 (1993) и 955 (1994)).

Одной из значительных проблем остаётся физическое задержание предполагаемых преступников, в частности лидеров террористических групп в целях расследования и преследования их деяний. Ещё одна проблема касается физических препятствий, связанных со сбором доказательной базы, в частности в условиях конфликта или в постконфликтной ситуации, когда многие из таких доказательств недоступны, уничтожены или являются конфиденциальной разведывательной информацией. Когда преступниками являются иностранные боевики-террористы, могут возникнуть дополнительные сложности, связанные с несовершенством внутреннего уголовного законодательства в отношении таких типов преступников и преступлений. Как отмечалось выше, в соответствии с принципом «двойной подсудности» подозреваемый обычно может быть только выдан одним государством (например, когда лицо задержано) другому государству (чтобы подвергнуть его уголовному преследованию), когда преступление в целом является идентичным в обоих государствах. В настоящее время есть существенные пробелы во внутреннем законодательстве многих стран для осуществления преследования таких иностранных боевиков во многих частях мира.

Международные суды и трибуналы

Проблемы и преимущества

Как было показано, преследование серьёзных актов терроризма может осуществляться в качестве международных преступлений, предусмотренных как универсальными документами по борьбе с терроризмом и другими международными документами, связанными с преступлениями, так и нормами обычного международного права.

С тем чтобы добиться возможного обвинительного приговора, важно найти судебный орган, в рамках которого деятельность подозреваемых террористов эффективно и надлежащим образом бы расследовалась и, в случае признания виновными, они понесли наказание. Также могут возникнуть вопросы относительно того, где такое лицо должно быть заключено в тюрьму. Из-за сложного и серьёзного характера террористических преступлений, изучаемых в настоящем Модуле, будет более целесообразно рассматривать такие преступления в международном суде или трибунале не только в связи с более широким интересом со стороны международного сообщества и последствий таких преступлений для него, но также потому, что многие национальные правовые системы не имеют достаточного опыта и ресурсов для рассмотрения таких преступлений. Это было одной из изначальных предпосылок, которые заставили Тринидад и Тобаго обратиться с просьбой о создании Международного уголовного суда, в частности, в связи со сложным характером транснациональных преступлений, связанных с наркотиками (см. например, Вадоо, 2011).

Несмотря на то, что такие суды могут быть очень затратными в финансовом плане, а также может потребоваться длительное время, прежде чем они сформируются и начнут функционировать, о чем свидетельствует недавний опыт Международного уголовного суда, международные суды и трибуналы также имеют свои преимущества. Сюда можно отнести необходимый технический и административный опыт для работы с деликатными и объёмными юридическими и политическими материалами, а также развитие передовой практики главным образом в целях обеспечения правосудия и возмещения ущерба жертвам, когда национальные системы не имеют возможности обеспечить их эффективными средствами правовой защиты.

Такие суды и трибуналы могут сталкиваться с теми же трудностями, что и национальные суды, например, нежеланием или отказом со стороны государств-участников Римского статута раскрыть или передать важные доказательства или подозреваемых, несмотря на их обязательства по договорам о полном сотрудничестве с Международным уголовным судом. При этом существуют различные механизмы, направленные на преодоление таких проблем. Например, любая ссылка на соображения безопасности в качестве основания для отказа сотрудничать должна быть рассмотрена Палатами, что во многих случаях приводит к неблагоприятным для этих стран заключениям. В конечном итоге и в порядке исключения в самых серьёзных случаях государства могут быть принуждены соблюсти обязательства правовыми средствами, например, посредством принятия резолюции Совета Безопасности согласно главы VII Устава ООН (см., например, резолюция СБ ООН 1207 (1998)).

Юрисдикция в отношении преступлений, связанных с терроризмом

Несмотря на серьёзный характер таких преступлений и международный интерес, проявляемый к осуществлению эффективного и справедливого преследования международных террористических преступлений, реальности международные уголовные суды и трибуналы с юрисдикцией в отношении таких преступлений немногочисленны. Единственным международным трибуналом с непосредственной юрисдикцией в отношении преступлений, связанных с терроризмом, является Специальный трибунал по Ливану (созданный в соответствии с резолюцией Совета Безопасности согласно главе VII Устава ООН 1757 (2007)), который был специально учреждён для расследования одного крупного террористического акта и привлечения виновных к уголовной ответственности, и чья юрисдикция в значительной мере определяется ливанским уголовным правом. Помимо этого, в рамках ряда международных судов и трибуналов были приняты специальные положения о преступлениях, связанных с терроризмом, главным образом это устав Международного трибунала по Руанде (статья 4(d)), устав Специального суда по Сьерра-Леоне (статья 3(d)), и закон об учреждении чрезвычайных палат в судах Камбоджи (статья 8). Что касается первых двух трибуналов, их юрисдикция ограничивалась террористическими актами, запрещёнными международным гуманитарным правом в отношении временных ситуаций конкретных вооружённых конфликтов.

По существу, юрисдикция Римского статута, на основании которого создан МУС, не охватывает террористические преступления, несмотря на многочисленные предложения государств по включению «преступлений, предусмотренных договорами» (конференция ООН 183/C.1/L.27, стр. 71-71), и продолжительные дебаты на эту тему в процессе переговоров по договорам. Хотя преимущества включения террористических преступлений в компетенцию Суда были признаны, Подготовительный комитет посчитал, должен ограничиваться определением Римский статут международных преступлений в рамках его юрисдикции. Другие важные факторы, лежащие в основе этого решения, включают отсутствие глобальной согласованности в отношении терроризма, различия в подходах к преследованию преступлений, связанных с терроризмом, и, как подчёркивалось выше, вопросы, связанные с тем, что универсальные документы по борьбе с терроризмом основаны на принципе aut dedere aut judicare и ограничиваются им, как разъяснялось выше. Универсальная юрисдикция эффективно применяется в отношении других преступлений, входящих в юрисдикцию суда, что резко контрастирует с правовыми и политическими трудностями, связанными с

отсутствием универсального определения терроризма, в том числе возможность отказа ряда государств от присоединения к договору. Существует также мнение, что терроризм вне зависимости от его определения не входит в категорию наиболее серьёзных преступлений, на которые МУС должен тратить свои ограниченные силы и ресурсы. В связи с этим юрисдикция статута ограничивается преступлениями геноцида, преступлениями против человечности, военными преступлениями и преступлениями агрессии (статья 8bis). При этом 15 декабря 2017 года Ассамблея государств-участников Римского статута согласилась привести в действие юрисдикцию Суда в отношении преступления агрессии, которая вступила в силу 17 июля 2018 года. Такая юрисдикция может быть актуальна для будущих контртеррористических усилий, предусматривающих военное вмешательство. При этом некоторые из этих ограничений в определённой степени были разрешены посредством принципа комплементарности (статья 17).

Представляется возможным теоретически и технически внести поправки в Римский статут в будущем с целью расширения его юрисдикции и включения в него преступлений, связанных с терроризмом, хотя это не произойдёт в ближайшее время. Внесение необходимых поправок в договоры, вероятно, будет сопровождаться многочисленными сложностями и препятствиями наряду с вероятностью того, что необходимый уровень консенсуса не будет быстро достигнут, о чем свидетельствует почти 20-летний опыт затяжных и сложных процессов по достижению международной договорённости в отношении значения преступления агрессии и его применения, которое изначально входило в юрисдикцию статута согласно статье 5 только при условии достижения международной договорённости. Более того, существуют другие деликатные политические факторы, имеющие отношение к Международному уголовному суду в настоящее время и в будущем, в том числе последние случаи выхода ряда государствучастников из Римского статута, а также угрозы выйти из него (см., например, The Guardian (Addis Ababa), 2017). Так, совсем недавно Бурунди объявила о своём выходе (см. Trahan, 2017).

На практике, однако, такое формальное исключение преступлений, связанных с терроризмом, из непосредственной юрисдикции большинства международных судов и трибуналов, не помешало прямо или косвенно осуществлять судебное разбирательство международных преступлений терроризма в тех случаях, когда их характер и тяжесть соответствовали правовым элементам преступлений, попадающих под юрисдикцию этих судов и трибуналов. Несомненно, как обсуждалось ранее, международные преступления геноцида, военные преступления и преступления против человечности (см. Римский статут, статьи 6-8) могут охватывать широкий спектр актов терроризма. Более того, такой подход уже практикуется международными судами и трибуналами, подтверждением чему служит судебная практика Международного трибунала по бывшей Югославии и Руанде, Специального суда по Сьерра-Леоне и Международного уголовного суда. Под влиянием более общих тенденций по ликвидации существующих пробелов в борьбе с безнаказанностью негосударственных (террористических) акторов прецедентная база, подкрепляющая применение таких подходов (см., например, Прокурор против Станислава Галича, 2006, п. 598; Прокурор против Тихомира Блашкича, 2000). Одно из преимуществ данного подхода заключается в том, что он не требует достижения международного согласия относительно определения терроризма несмотря на то, что такой «непрямой» подход возможно не пользуется таким же вниманием или не обладает достаточным авторитетом по сравнению с непосредственной юрисдикцией в отношении террористических преступлений. Помимо этого, не все международные террористические преступления в полной мере укладываются в рамки правовых элементов международных преступлений, как например финансирование террористической деятельности, особенно в свете

глобализации финансов, о чем прямо заявляется в Конвенции по борьбе с финансированием терроризма 1999 года.

Упражнения и тематические исследования (кейсы)

Данный раздел содержит предложения по аудиторным или подготовительным учебным упражнениям, в то время как задание для выполнения после занятия, предназначенное для оценки понимания учащихся, предложено в отдельном разделе.

Упражнения в этом разделе лучше всего подходят для групп до 50 учащихся, которых можно легко разделить на небольшие группы для обсуждения примеров или проведения работы перед тем, как представители группы представят её результаты всей аудитории. Несмотря на то, что можно иметь такую же структуру из небольших групп в большой аудитории, состоящей из нескольких сотен учащихся, это более сложно, и лектор, возможно, пожелает адаптировать методы работы с группами, обеспечив достаточное время для групповых обсуждений и представления обратной связи всей аудитории. Самый простой способ провести обсуждения в небольших группах в большой аудитории - попросить учащихся обсудить вопросы с четырьмя или пятью учащимися, сидящими рядом с ними. Учитывая ограничение по времени, не все группы смогут предоставить обратную связь в каждом упражнении. Лектору рекомендуется делать произвольный выбор и пытаться предоставить возможность обратной связи хотя бы один раз за время занятия всем группам. Если время позволяет, лектор может провести общее обсуждение после представления каждой группой обратной связи.

Все упражнения в этом разделе подходят как для студентов магистратуры, так и бакалавриата. Однако, поскольку знания учащихся перед началом обучения и то, насколько они сталкивались с ними, сильно отличаются, решения о целесообразности упражнений должны основываться на их образовательном и социальном контексте.

Упражнение 1: Национальное антитеррористическое законодательство

- Выберите 3 статьи из журналов из списка дополнительной литературы с целью определения понятий «терроризм» и «подход системы уголовного правосудия», используемых в рамках различных юрисдикций, уделяя особое внимание примерам национальных документов в области борьбы с терроризмом. Или же изучите подходы к определениям, принятым в 3-4 странах на ваш выбор, например, ваша страна и еще 2-3 другие страны.
- Определите 2-3 общие темы и вопросы, которые особо привлекли ваше внимание в ходе этого исследования, например, основные различия между ними, положительные моменты и недочёты законодательства, проблемы эффективной реализации, вопросы соблюдения верховенства права (например, несоблюдение международных стандартов в области прав человека) и т.д.
- Подготовьте краткую презентацию (приблизительно на 5 минут) для представления своей группе (например, в начале следующего занятия).

Упражнение 2: Учебный судебный процесс в рамках Международного суда

Детали упражнения

В данном упражнении разрабатываются аспекты судебного процесса, в основе которого лежит дело о взрыве над Локерби (Кейс 2).

(1) Факты

В январе 2017 года ячейкой «Аль-Каиды», базирующейся в государстве под названием Аркадия, был успешно осуществлён террористический акт на борту рейса 231 авиакомпании «FlyGlobal», зарегистрированной в государстве под названием Курия, путём подрыва взрывчатки, которую члены ячейки пронесли на борт в своих электронных устройствах, а именно мобильных телефонах и ноутбуках. Поскольку рейс 231 следовал из Аркадии в Бутавию через Курию, в результате взрыва погибли главным образом граждане этих трёх государств. Помимо этого, взрыв на борту рейса 231 произошёл над территорией Курии, в результате чего из-за рухнувших обломков самолёта на земле погибло много людей, многие были ранены, нанесён материальный ущерб имуществу. Жители этого города до сих пор переживают травму в связи с этим событием.

К сожалению, до того как организаторы этой террористической атаки были выявлены и задержаны в Аркадии, они успели сбежать в Дурадию, страну, которая неотвратимо превращается в несостоявшееся государство, и как таковая не имеет сколь либо эффективных ресурсов, чтобы расследовать и привлечь к ответственности подозреваемых преступников, не говоря уже о тех, кто был обвинён в совершении международных террористических преступлений. Также есть подозрения, что в последние годы Дурадия укрывает боевиков «Аль-Каиды» и разрешает им проводить подготовку. И хотя террористы, совершившие этот акт, сейчас находятся в Дурадии, они являются гражданами государства Экатория, которое занимает жёсткую позицию по вопросу терроризма, что отражено в её внутреннем законодательстве и политике.

В марте 2017 года в результате значительного международного давления Дурадия задержала трёх подозреваемых. Страна предпочла сама расследовать преступление, и, в случае необходимости, судить подозреваемых. Тем не менее, Аркадия и Бутавия совместно, а также Курия и Экатория желают, чтобы подозреваемых выдали им для расследования и любого последующего за этим суда, так как сомневаются в справедливости судебного процесса, если его будет вести Дурадия. Тем не менее, Дурадия отказалась выдать подозреваемых. Как следствие, Аркадия и Бутавия в качестве членов Р5 смогли убедить Совет Безопасности принять резолюцию 2002 (от 2 мая 2017 г.) с целью оказать дополнительное политическое давление на Дурадиию с тем, чтобы она выдала трёх подозреваемых Аркадии или Бутавии, угрожая введением «разумных» санкций в случае, если Дурадия не выполнит это условие до 30 июня 2017 года.

Несмотря на это Дурадия, тем не менее, отказалась выполнить резолюцию и в качестве ответного шага инициировала судебное разбирательство в Международном суде с целью признания законности своих действий. В ответ на это и по истечении срока 30 июня 2017 года Аркадия и Бутавия убедили Совет Безопасности принять резолюцию 2010 (от 10 июля 2017 г.), которая обязывала Дурадию выдать подозреваемых Аркадии и Бутавии и вводила жёсткие экономические санкции против Дурадии с немедленным вступлением

в силу, пока не будет выполнено решение. За последние семь месяцев санкции оказали существенное воздействие на экономику и инфраструктуру Дурадии, которая заявила, что уже несколько сотен её граждан умерли из-за нехватки продовольствия и отсутствия доступа к базовым медицинским услугам. Тем временем, Курия подала иск о том, чтобы в случае выдачи обвиняемых Дурадией, они были выданы Курии, а не Аркадии или Бутавии, поскольку она больше всех заинтересована в суде над подозреваемыми. В то же время Экатория обратилась с иском о признании права на выдачу подозреваемых ей, так как они являются её гражданами.

Все пять государств являются участниками Монреальской конвенции 1971 года, Пекинской конвенции 2010 года (в целях настоящего упражнения предположим, что она вступила в силу), а также конвенции 1997 года о борьбе с бомбовым терроризмом. Сейчас дело рассматривает Международный суд (МС).

(2) Учебный судебный процесс (см. Методическое пособие)

Разделите учащихся на 5 групп, представляющих следующие позиции: (a) совместная позиция Аркадии и Бутавии; (b) Курия; (c) Дурадия; (d) Экатория; и (e) судьи МС.

Убедитесь, что у всех есть доступ (в печатной или электронной форме) к Монреальской конвенции 1971 года; Конвенции 1997 года о борьбе с бомбовым терроризмом; Пекинской конвенции 2010 года (возможно, следует заранее предупредить о необходимости принести эти материалы с собой на занятие).

Дайте учащимся 20 минут на подготовку дела от имени своего клиента — государства (государств), определив ключевые вопросы и соответствующие положения в текстах договоров; или в случае группы судей МС — на определение ключевых вопросов, которые может поднять каждое государство и подготовку ответа на них.

Дайте каждой из этих групп, например, 5 минут для представления своего дела Международному суду (это может быть сделано одним или несколькими учащимися).

Выслушав все заявления, необходимо организовать небольшой перерыв (5-10 минут) с тем, чтобы группа судей МС смогла рассмотреть приведённые аргументы и обсудить, какое государство и почему должно судить террористов. Группа судей должна затем вынести своё решение и кратко обосновать его.

В конце поделитесь своими соображениями и дайте оценку группам, индивидуально или в классе.

Предполагаемая продолжительность: 45-60 минут.

Кейс 1: Гипотетический кейс: Борьба с финансированием терроризма

Аркадия против Гринландии*:

Аркадия возбудила иск в международном суде против Гринландии в связи с предполагаемым нарушением международной конвенции о борьбе с финансированием

терроризма (МКФТ). В тот же день Аркадия подала ходатайство о применении защитных мер, ожидая решение суда по существу дела.

В своём пресс-релизе Суд напомнил, что «[...] в целях ходатайства о применении защитных мер Аркадия ссылается на свои права и соответствующие обязательства Гринландии исключительно на основании статьи 18 МКФТ. В настоящей статье в сущности оговаривается, что государства-участники обязаны сотрудничать предупреждении финансирования терроризма, т.е. предоставлении и сборе средств с незаконным намерением, что они должны использоваться, или зная, что они предназначены для осуществления актов терроризма, указанных в статье 2 конвенции. Следовательно, в целях ходатайства о применении защитных мер государство-участник конвенции может воспользоваться правами, предусмотренными статьёй 18, только когда есть веские причины полагать, что деяния, на которые оно жалуется, квалифицируются как акты терроризма. Суд отмечает, что акты, на которые ссылается Аркадия, явились причиной смерти и увечий большого числа гражданских лиц. Тем не менее, с целью определить, являются ли права, в отношении которых Аркадия обратилась за защитой, как минимум, правдоподобными, необходимо удостовериться, есть ли достаточные причины полагать, что элементы, указанные в статье 2, такие как намерение и знание, а также элемент цели, присутствуют. Суд полагает, что на этом этапе слушаний Аркадия не представила доказательства, которые обеспечили бы достаточную основу, чтобы считать правдоподобным присутствие этих элементов. Таким образом, суд пришёл к выводу, что условия, необходимые для применения защитных мер в отношении предполагаемых прав Аркадии на основании МКФТ, не выполнены». Слушание будет продолжено.

* Международный суд, «Суд считает, что Гринландия должна воздержаться от установления ограничений на способность общины сохранять свои уполномоченные учреждения и обеспечить доступность образования на аркадском языке».

Кейс 2: Взрыв на Локерби*

Это дело поднимает много интересных вопросов, в том числе связь между универсальными документами по борьбе с терроризмом, в данном случае Монреальской конвенцией 1971 года, и резолюциями Совета Безопасности, принятыми на основании главы VII; возможные последствия международной политики в подходах системы уголовного правосудия; проблемы (правовые, дипломатические, практические и т.д.), связанные с расследованием и преследованием сложных дел, таких как террористические акты; а также наличие механизмов обзора для процесса принятия решений Совета Безопасности.

21 декабря 1988 года рейс 103 авиакомпании «Рап Ат» взорвался над шотландским городом Локерби, в результате чего погибли все 259 человек, находившихся на борту, и 11 человек на земле; многие были ранены, а также был причинён значительный материальный ущерб. После всестороннего расследования в 1990 году было установлено, что причиной взрыва стала бомба, следы которой привели к двум подозреваемым гражданам Ливии - Абдельбасету Али Махмеду Аль-Меграхи и Ламину Халифу Фимаху. В 1991 году властями Соединённого Королевства и США против двух подозреваемых было выдвинуто обвинение в убийстве по 270 пунктам. Основные государства-участники этого дела - Соединённое Королевство, США и Ливия — являлись участниками Монреальской конвенции 1971 года.

Ливия отказалась выдать подозреваемых, заявив, что в соответствии с Монреальской конвенцией 1971 года она приняла решение самостоятельно расследовать дело и

привлечь к ответственности двух подозреваемых. Государства, гражданами которых являлись жертвы, главным образом Соединённое Королевство и США, высказали озабоченность в отношении непредвзятости, эффективности и добросовестности любого такого расследования и преследования особенно с учётом того, что, по мнению многих, подозреваемые являлись сотрудниками ливийских спецслужб. В этой связи в качестве 5 постоянных членов Совета Безопасности эти государства убедили Совет принять 2 резолюции Совета Безопасности: резолюцию 731 (от 21 января 1992 г.) с целью оказать политическое давление на Ливию выдать подозреваемых, как того требуют Соединённое Королевство и США; и резолюцию 748 (от 15 апреля 1992 г.), налагающую санкции на авиасообщение и торговлю оружием с Ливией, когда Ливия продолжила отказывать в выдаче подозреваемых. Цель этих резолюций, принятых на основании главы VII, заключалась в том, чтобы отменить договорные обязательства по Монреальской конвенции 1971.

5 апреля 1999 года, после нескольких лет интенсивных политических переговоров, Ливия согласилась выдать подозреваемых ООН для суда по шотландским законам на территории Голландии. В ответ действие санкций Совета Безопасности в отношении Ливии было незамедлительно приостановлено. 31 января 2001 года Аль-Меграхи был признан виновным и приговорён к тюремному заключению на минимальный срок 27 лет; Фимах был признан невиновным. 14 марта 2002 года Аль-Меграхи проиграл апелляцию по обвинению в убийстве.

В 2003 году президент Ливии Каддафи согласился выплатить 2,7 млрд. долл. США в качестве компенсации семьям погибших, а в июне 2004 года США возобновили дипломатические отношения с Ливией. В августе 2009 года Аль-Меграхи в связи с обнаруженной у него терминальной стадией рака был возвращён в Ливию, где скончался в мае 2012 года. В октябре 2015 года Соединённое Королевство и США заявили, что есть другие подозреваемые во взрыве самолёта; некоторые выразили сомнения в невиновности Аль-Меграхи. Расследование продолжается.

^{*} Дело в отношении вопросов интерпретации и применения Монреальской конвенции 1971 года, возникшие в связи с воздушным происшествием над Локерби (Ливия против США), Временные меры, I.C.J Reports 1992, стр. 126.

Возможное построение занятия

Этот раздел содержит рекомендации по последовательности обучения и времени, необходимого для достижения результатов обучения путем проведения трехчасового занятия. Лектор может пожелать пропустить или сократить некоторые элементы, чтобы выделить больше времени на другие элементы, включая введение, комментарии, помогающие завязать разговор, заключение или короткие перерывы. Структура также может быть адаптирована для более коротких или длительных занятий, учитывая, что продолжительность занятий в разных странах отличается.

- 0 10 мин Краткое представление вопроса, результатов обучения по итогам сессии и ее структуры.
- 10 40 мин Определение терроризма. Обсудить упражнение 1.
- 40 70 мин Подход системы уголовного правосудия
- 70 75 мин Перерыв
- 75 120 мин Предусматриваемые договорами преступления терроризма. Обсудить кейсы 1 и (или) 2.
- 120 125 мин Перерыв
- 125 145 мин Тяжкие международные преступления
- 144 175 мин Международные суды и трибуналы. *Просмотр видео: Расплата: История Международного уголовного суда (*см. <u>Дополнительные учебные инструменты</u>)
- 175-180 мин В случае необходимости представление вопросов оценки с соответствующими критериями оценивания.

Как вариант, если эти темы изучались в ходе более 2 занятий длительностью 2 часа, во второй части второго занятия может быть использовано *упражнение 2: Учебный судебный процесс Международного суда*.

Основная литература

В данном разделе представлен список материалов, имеющихся в свободном доступе, которые лектор может попросить учащихся прочитать перед проведением занятия по данному модулю.

Определение терроризма

- Weigend, Thomas (2006). "<u>The Universal Terrorist: the International Community Grappling with a Definition</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 4, pp. 912-932. («Универсальный террорист: Международное сообщество пытается разрешить проблему определения»)
- Saul, Ben (2005). "<u>Attempts to define 'terrorism" in international law</u>." Netherlands International Law Review, vol. 52, no. 1, pp. 57-83. («Попытки дать определение «терроризму» в международном праве»)
- Friedrichs, Jörd (2006). "<u>Defining the International Public Enemy: The Political Struggle Behind the Legal Debate on International Terrorism</u>." Leiden Journal of International Law, vol. 19, issue 1, pp. 69-91. («Определяя международного врага: Политическая борьба в основе правовых дебатов о международном терроризме»)
- Lord Carlile of Berriew QC (2007). <u>The Definition of Terrorism</u>. March. Cm 7052. (Including Table 1 overview of national definitions). («Определение терроризма»)

Подход уголовного правосудия

- Partin, Gail (2015). "<u>International Criminal Law</u>." American Society of International Law, 1 April. («Международное уголовное право»)
- Nagle, Luz E. (2010). "Should Terrorism Be Subject to Universal Jurisdiction?" Santa Clara Journal of International Law, vol. 8, Issue 1, pp. 87-100. («Должен ли терроризм подлежать универсальной юрис∂икции?»)

Террористические преступления, предусматриваемые договорами

- Piera, Alejandro and Michael Gill (2014). "Will the New ICAO-Beijing Instruments Build a Chinese Wall for International Aviation Security?" Vanderbilt Journal of Transnational Law, vol. 47, no. 1, pp. 145-237. («Смогут ли новые инструменты ИКАО-Пекин построить «китайскую стену» для международной авиационной безопасности»?)
- Liput, Andrew L. (1995). "An Analysis of the Achille Lauro Affair: Towards an Effective and Legal of Bringing International Terrorists to Justice." Fordham International Law Journal, vol. 9, issue 2, pp. 328-372. («Анализ дела «Акилле Лауро»: На пути к эффективному и правовому методу привлечения международных террористов к правосудию»)
- Saul, Ben (2009). "<u>The Emerging International Law of Terrorism</u>." Indian Yearbook of International Law and Policy, pp. 163-192, Sydney Law School Research Paper No. 10/108. («Зарождающееся международное право в области терроризма»)
- Joyner, Christopher C. (2007). "<u>Countering Nuclear Terrorism: A Conventional Approach</u>." European Journal of International Law, vol. 18, no. 2, pp. 225-251. («Противодействие ядерному терроризму: Традиционный подход»)
- Friedrichs, Jorg (2006). "<u>Defining the International Public Enemy: The Political Struggle</u> behind the Legal Debate on International Terrorism." *Leiden Journal of International*

- Law, vol. 19, issue 1, pp. 69-91. («Определяя международного врага: Политическая борьба в основе правовых дебатов о международном терроризме»)
- Bassiouni, M. Cherif (2002). "<u>Legal Control of International Terrorism: A Policy-Oriented Assessment</u>." Harvard International Law Journal, vol. 43, no. 1, pp. 83-103. («Правовой контроль международного терроризма: Ориентированная на вопросы политики оценка»)
- Cassese, Antonio (2006). "<u>The Multifaceted Criminal Notion of Terrorism in International Law</u>." *Journal of International Criminal Justice*, vol. 4, issue 5, pp. 933-958. («Многогранное уголовное понятие терроризма в международном праве»)
- Weigend, Thomas (2006). "<u>The Universal Terrorist: the International Community Grappling with a Definition</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 4, issue 5, p. 912-932. («Универсальный террорист: Международное сообщество пытается разрешить проблему определения»)
- Saul, Ben (2005). "<u>Definition of "Terrorism" in the UN Security Council: 1985-2004.</u>" Chinese Journal of International Law, vol. 4, no. 1, pp. 141-166. («Определение терроризма в Совете Безопасности ООН: 1985-2004»)
- Sorel, Jean-Marc (2003). "Some Questions about the Definition of Terrorism and the Fight against Its Financing." European Journal of International Law, vol. 14, no. 2, p. 365-378. («Некоторые вопросы касательно определения терроризма и борьбы с его финансированием»)

Тяжкие международные преступления

- Ambos, Kai (2011). "Judicial Creativity at the Special Tribunal for Lebanon: Is There a
   <u>Crime of Terrorism under International Law?</u>" Leiden Journal of International Law, vol.
   24, issue 3, pp. 655-675. («Судебная изобретательность в ходе Специального
   трибунала по Ливии: Существует ли преступление терроризма в
   международном праве?»)
- Di Filippo, Marcello (2008). "<u>Terrorist Crimes and International Co-operation: Critical Remarks on the Definition and Inclusion of Terrorism in the Category of International Crimes</u>." European Journal of International Law, vol. 19, no. 3, pp. 533-570. («Террористические преступления и международное сотрудничество: Критические замечания касательно определения терроризма и его включения в категорию международных преступлений»)
- Bergsmo, Morten, Mads Harlem and Nobuo Hayashi, eds. (2010). <u>Importing Core International Crimes into National Law</u>, 2nd ed. Forum for International Criminal and Humanitarian law. Oslo: Torkel Opsahl Academic Epublisher. («Включение тяжких международных преступлений в национальное право»)
- Edwards, Holli (2017). "<u>Does International Law Apply to the Islamic State</u>." Geneva Centre for Security Policy. («Применяется ли международное право к Исламскому государству»)
- Coman, Kenny (2017). "Prosecuting Crimes of International Concern: Islamic State at the ICC?" Utrecht Journal of International and European Law, vol. 33, no. 84, pp. 120—145. («Преследование преступлений, вызывающих международную озабоченность: Исламское государство в МУС?»)
- Chertoff, Emily (2017). "Prosecuting Gender-Based Persecution: The Islamic State at the ICC." The Yale Law Journal, vol. 126, no. 4, pp. 1050-1117. («Привлечение к ответственности за преследование по признаку пола: Исламское государство в МУС»)
- Lawless, Michael (2007-08). "Terrorism: An International Crime." Canadian Military Journal, vol. 9, no. 2, pp. 27-39. («Терроризм: Международное преступление»)
- Bensouda, Fatou (2015). "ICC: Statement of the Prosecutor Fatou Bensouda, on the Alleged Crimes Committed by ISIS." The Hague Justice Portal, 8 April. («МУС: Заявление

Прокурора Фату Бенсуда относительно предполагаемых преступлений, совершенных ИГИЛ»)

Международные суды и трибуналы

- Van der Wilt, Harmen, and Inez Braber (2014-13). "<u>The Case for Inclusion of Terrorism in the Jurisdiction of the International Criminal Court</u>." Amsterdam Centre for International Law, no. 2014-13, p. 8. («Дело для включения терроризма в юрисдикцию Международного уголовного суда»)
- Hoyos, Mateo C. (2017). "Including the Crime of Terrorism within the Rome Statute: Likelihood and Prospects." Global Politics Review, vol. 3, no. 1, pp. 25-38. («Включение преступления терроризма в Римский статут: Вероятность и перспективы»)
- Proulx, Vincent-Joël (2003). "Rethinking the Jurisdiction of the International Criminal Court in the Post-September 11th Era: Should Acts of Terrorism Qualify as Crimes against Humanity?" American University International Law Review, vol. 19, no. 5, pp. 1009-1089. («Переосмысливая юрисдикцию Международного уголовного суда после 11 сентября: должны ли акты терроризма квалифицироваться как преступления против человечности?»)
- Brennan, Anna Marie (2015). "<u>Prosecuting ISIL before the International Criminal Court: Challenges and Obsacles.</u>" American Society of International Law, vol. 19, no. 21. («Преследование ИГИЛ в Международном уголовном суде: Вызовы и препятствия»)
- Aslan, Muzaffer Y. (2005). "<u>The Role of International Criminal Law in the Global War on Terrorism</u>." («Роль МУС в глобальной войне с терроризмом») Ankara Law Review, vol. 2, no. 1, pp 1-48.
- Labuda, Patrick I. (2017). "The African Union's Collective Withdrawal from the ICC: Does Bad Law make for Good Politics?" EJIL: Talk!, 15 February. («Коллективный выход стран Африканского союза из МУС: Плохое законодательство ведёт к хорошей политике?»)

Дополнительная литература

Данный раздел содержит рекомендуемую дополнительную литературу для учащихся, заинтересованных в изучении вопроса (-ов) Модуля более подробно, а также для лекторов, обучающих по Модулю.

Определение терроризма

- Weinberg, Leonard, Ami Pedahzur and Sivan Hirsch-Hoefler (2014). "<u>The Challenges of Conceptualizing Terrorism</u>." Terrorism and Political Violence, vol. 16, issue 4, pp. 777-794. («Проблемы концептуализации терроризма»)
- Ramsay, Gilbert (2015). "Why terrorism can, but should not be defined." Critical Studies on Терроризм, vol. 8, issue 2, pp. 211-228. («Почему терроризму можно, но не нужно давать определение»)
- Schmid, Alex P. (2004). "<u>Frameworks for Conceptualising Terrorism</u>." Terrorism and Political Violence, vol. 16, issue 2, pp. 197-221. («Рамки для концептуализации терроризма»)
- Saul, Ben (2006). *Defining Terrorism in International Law*. Oxford: Oxford University Press. («Определение терроризма в международном праве»)
- Wilson, Heather A. (1988). *International Law and the Use of Force by National Liberation Movements*. Oxford: Oxford University Press. («Международное право и применение силы национальными освободительными движениями»)
- Saul, Ben (2011). "Legislating from A Radical Hague: The UN Special Tribunal for Lebanon Invents an International Crime of Transnational Terrorism." Leiden Journal of International Law, vol. 24, issue 3, pp. 677-700. («Законодательная деятельность из радикальной Гааги: Специальный трибунал ООН по Ливану изобретает понятие международного преступления транснационального терроризма»)
- Ventura, Manuel J. (2011). "<u>Terrorism According to the STL's Interlocutory Decision on the Applicable Law: A Defining Moment or a Moment of Defining.</u>" Journal of International Criminal Justice, vol. 9, issue 5, pp. 1021-1042. («Терроризм согласно промежуточному решению СТЛ по применимому праву: Определяющий момент или момент определения»)
- Cassese, Antonio (2006). "<u>The Multifaceted Criminal Notion of Terrorism in International Law</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 4, issue 5, pp. 933-958. («Многогранное уголовное понятие терроризма в международном праве»)
- Lumina, Cephas (2007). "Counter-Terrorism Legislation and the Protection of Human Rights: A Survey of Selected International Practice." African Human Rights Law Journal, vol. 7, no. 1, pp. 35-67. («Контртеррористическое законодательство и защита прав человека: Обзор примеров международной практики»)
- Xinrui, Pan (2015). "Collation and Thoughts of Perfection About Laws of Anti-Terrorism: From the Ninth Amendment to the Anti-Terrorism Law (Draft)." China Legal Science, vol. 3, issue 6, pp. 101-122. («Сравнение и размышление о совершенствовании антитеррористического законодательства: От Девятой поправки к антитеррористическому закону (проекту)»)
- Dewulf, Steven (2014). "Human Rights in the Criminal Code: A Critique of the Curious Implementation of the EU and Council of Europe Instruments on Combating and Preventing Terrorism in Belgian Criminal Legislation." European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice, vol. 22, issue 1, pp. 33-57. ("Права человека в уголовном кодексе: Критический обзор своеобразной реализации документов ЕС и Совета Европы по противодействию и предотвращению терроризма в бельгийском уголовном законодательстве»)

- Juwana, Hikmahanto (2014). "<u>Anti-Terrorism Efforts in Indonesia</u>." *Indonesian Journal of International Law*, vol. 11, no. 2, pp. 151-176. («Антитеррористические усилия в Индонезии»)
- Mayali, Laurent, and John Yoo (2016). "<u>A Comparative Examination of Counter-Terrorism Law and Policy</u>." Journal of Korean Law, vol. 16, p. 93-146. («Сравнительный анализ контртеррористического законодательства и политики»)
- Nawawie, A. Hasyim (2016). "<u>Criminal Law Review of Islamic on 6-19 Article Law Number 15-2003 Crime on Combating Terrorism</u>." Journal of Law, Policy and Globalization, vol. 51, p. 77. («Обзор исламского уголовного права в контексте статьи 6-19 Закона №15 от 2003 года о борьбе с терроризмом»)
- Kassa, Wondwossen Demissie (2014). "The Scope of Definition of a Terrorist Act under Ethiopian Law: Appraisal of Its Compatibility with Regional and International Counterterrorism Instruments." Mizan Law Review, vol. 8, no. 2, pp. 371-405 («Сфера применения определения террористического акта согласно законодательству Эфиопии: Оценка его совместимости с региональными международными контртеррористическими документами»)
- Mylonaki, Emmanouela (2015). "An Overview of the Western African Response to the International Counterterrorism Legal Framework." Pecs Journal of International and European Law, 2015/II, pp. 18-27. («Обзор мер реагирования в Западноафриканском регионе на международные контртеррористические правовые рамки»)

Подход уголовного правосудия

- Boas, Gideon and Pascale Chifflet (2017). *International Criminal Justice: Principles of International Law Series*. Cheltenham: Edward Elgar. («Международное уголовное преступление: Принципы международного права»)
- Cassese, Antonio (2009). The Oxford Companion to International Criminal Justice. Oxford: Oxford University Press. («Оксфордский справочник по международному уголовному правосудию»)
- Nuotio, Kimmo (2006). "<u>Terrorism as a Catalyst for the Emergence, Harmonization and Reform of Criminal Law</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 4, issue 5, pp. 998-1016. («Терроризм как катализатор возникновения, гармонизации и реформы уголовного права»)
- Mhango, Mtendeweka O. (2013). "Taking Human Rights Higher in the Fight against Terrorism in South Africa." Michigan State University College of Law Journal of International Law, vol. 19, issue 1, p. 105. («Обеспечивая права человека в борьбе с терроризмом в Южной Африке»)
- Satish, Mrinal, and Aparna Chandra (2009). "Of Maternal State and Minimalist Judiciary:
   <u>The Indian Supreme Court's Approach to Terror-Related Adjudication</u>." National Law
   School India Review, vol. 21, no. 1, pp. 51-88. («О материнском государстве и
   минималистской судебной системе: Подход Верховного суда Индии к вынесению
   судебных решений, связанных с террором»)
- Roach, Kent (2014). "Be Careful What You Wish for Terrorism Prosecutions in Post-9/11 Canada." Queen's Law Journal, vol. 40, issue 1, pp. 99-140. («Будьте осторожны в своих желаниях преследование терроризма после 11 сентября в Канаде»)
- Ramraj, Victor V., Michael Hor, Kent Roach, and George Williams eds. (2012) *Global Anti- Terrorism Law and Policy*, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press. («Глобальное антитеррористическое право и политика»)
- Langer, Máximo (2015). "<u>Universal Jurisdiction is Not Disappearing: The Shift from 'Global Enforcer' to 'No Safe Haven' Universal Jurisdiction</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 13, issue 2, pp. 245–256. («Универсальная юрисдикция не

- исчезает: Переход универсальной юрисдикции от «глобального правоприменителя» к «отсутствию безопасных убежищ»)
- Van der Wilt, Harmen (2011). "Universal Jurisdiction under Attack: An Assessment of African Misgivings towards International Criminal Justice as Administered by Western States." Journal of International Criminal Justice, vol. 9, issue 5, pp. 1043–1066. («Атака на универсальную юрисдикцию: Оценка опасений африканских стран в отношении международного уголовного правосудия, осуществляемого в странах Запада»)
- Langer, Máximo (2011). "<u>Diplomacy of Universal Jurisdiction: The Political Branches and the Transnational Prosecution of International Crimes</u>." American Journal of International Law, vol. 105, no. 1, pp. 1-49. («Дипломатия универсальной юрисдикции»: Политические ветви и транснациональное преследование международных преступлений»)
- Abu Odeh, Lama (2007). "A Radical Rejection of Universal Jurisdiction." Yale Law Journal, vol. 116. («Радикальный отказ универсальной юрисдикции»)

Террористические преступления, предусматриваемые договорами

- Dubin, Martin D. (1993). "Great Britain and the anti-terrorist conventions of 1937."
   Terrorism and Political Violence, vol. 5, issue 1, pp. 1-29. («Великобритания и антитеррористические конвенции 1937 года»)
- Halberstam, Malvina (2003). "The Evolution of the United Nations Position on Terrorism: From Exempting National Liberation Movements to Criminalizing Terrorism Wherever and by Whomever Committed." Columbia Journal of Transnational Law, vol. 41, pp. 573-584. («Эволюция позиции ООН в отношении терроризма: От освобождения от ответственности национальных освободительных движений до криминализации терроризма, где и кем бы он не осуществлялся»)
- Bassiouni, M. Cherif (2001). International Terrorism: Multilateral Conventions 1937-2001. New York: Transnational Publishers. («Международный терроризм: Многосторонние конвенции 1937-2001 годов»)
- Saul, Ben, ed. (2014). Research Handbook on International Law and Terrorism.
   Cheltenham: Edward Elgar, chs 4-9 («Справочник для исследователей по международному праву и терроризму»)
- Abeyratne, R. (2011). "<u>The Beijing Convention of 2010 on the suppression of unlawful acts relating to the international civil aviation an interpretative study</u>." Journal of Transportation Security, vol. 4, issue 2, pp. 131-143. («Пекинская конвенция 2010 года о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации исследование толкования»)
- Constantinople, G.R. (1986). "<u>Towards a New Definition of Piracy; The Achille Lauro Incident</u>." Virginia Journal of International Law, vol. 26, pp. 723-754. («На пути к новому определению пиратства; Происшествие с «Акилле Лауро»)
- Saul, Ben (2006). "<u>Defending Terrorism: Justifications and Excuses for Terrorism in International Criminal Law</u>." Australian Year Book of International Law, vol. 25, pp. 177-226. («Определение терроризма: Обоснование и оправдание терроризма в международном уголовном праве»)
- White, Nigel D. (2013). "<u>Preventive Counter-Terrorist and International Law</u>." Journal of Conflict and Security Law, vol. 18, issue 2, pp. 181-192. («Превентивное контрерористическое и международное право»)
- Bassiouni, M. Cherif (2002). International Terrorism: A Compilation of U.N. Documents (1972-2001). New York: Transnational Publishers. («Международный терроризм: Сборник документов ООН»)

- Bassiouni, M. Cherif (2001). International Terrorism: Multilateral Conventions (1937-2001). New York: Transnational Publishers. («Международный терроризм: Многосторонние конвенции»)
- Cassese, Antonio (1989). *Terrorism, Politics and Law: The Achille Lauro Affair.* Princeton: Princeton University Press. («Терроризм, политика и право: Дело «Акилле Лауро»)
- Nanda, Ved P. (1979). "Progress Report on the United Nations' Attempt to Draft an International Convention against the Taking of Hostages." Ohio Northern University Law Review, vol. 6, no. 1, pp. 89–108. («Доклад о ходе работы ООН по проекту всеобъемлющей конвенции о борьбе с захватом заложников»)
- Rosenstock, Robert (1980). "<u>International Convention against the Taking of Hostages: Another International Community Step Against Terrorism</u>" Journal of International Law and Policy, vol. 9, issue 2, pp. 169—195. («Международная конвенция о борьбе с захватом заложников: Еще один шаг международного сообщества против терроризма»)
- Hmoud, Mahmoud (2006). "Negotiating the Draft Comprehensive Convention on International Terrorism: Major Bones of Contention." Journal of Internal Criminal Justice, vol. 4, issue 5, pp. 1031-1043. («Переговоры по проекту всеобъемлющей конвенции о международном терроризме: Основные спорные вопросы»)
- Chadwick, Elizabeth (2011). Self-Determination in the Post-9/11 Era. New York: Routledge. («Самоопределение после 11 сентября»)
- Plachta, Michael (2001). "The Lockerbie Case: The Role of the Security Council in Enforcing the Principle Aut Dedere Aut Judicare." European Journal of International Law, vol. 12, pp. 125-140. («Дело Лекерби: Роль Совета Безопасности в исполнении принципа Aut Dedere Aut Judicare»)
- Aust, Anthony (2000). "<u>Lockerbie: The Other Case</u>." *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 49, issue 2, pp. 278-296. («Локерби: Другое дело»)
- Организация безопасности и Сотрудничества в Европе (ОБСЕ). <u>Background Paper on Extradition and Human Rights in the Context of Counter-Terrorism</u>. 20 March 2007. ODIHR.GAL/22/07. («Справочный доклад об экстрадиции и правам человека в контексте противодействия терроризму»)

Тяжкие международные преступления

- Канцелярия Прокурора (2015). "Statement of the Prosecutor of the International Criminal Court, Fatou Bensouda, on the alleged crimes committed by ISIS." 8 April. («Заявление Прокурора Международного уголовного суда Фату Бенсуда в отношении предполагаемых преступлений, совершенных ИГИЛ»)
- Совет Европы, Комиссия по юридическим вопросам и правам человека Совета Европы (2017). "Prosecuting and punishing the crimes against himanity or even possible genocide committed by Daesh." Pieter Omtzigt. 25 April. AS/Jur (2017). («Преследование и наказание за преступления против человечности или даже возможный геноцид, совершенный ДАИШ»)
- International Criminal Court, Preliminary examination: Alleged crimes against humanity or war crimes committed in the Niger Delta, the Middle-Belt States and in the context of armed conflict between Boko Haram and Nigerian security forces in Nigeria. Details a number of useful sources. («Международный уголовный суд, предварительное рассмотрение: Предполагаемые преступления против человечности или военные преступления, совершенные в дельте реки Нигер, штатах Среднего пояса и в контексте вооруженного конфликта между Боко Харам и силами безопасности Нигерии на территории Нигерии»
- Di Filippo, Marcello (2008). "<u>Terrorist Crimes and International Co-operation: Critical Remarks on the Definition and Inclusion of Terrorism in the Category of International Crimes.</u>" *The European Journal of International Law,* vol. 19, no. 3, pp. 533-570.

- («Террористические преступления и международное сотрудничество: Критические замечания касательно определения терроризма и его включения в категорию международных преступлений»)
- ООН, Совет по правам человека, Независимая международная комиссия по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике (2016). "They Came to <u>Destroy": ISIS Crimes against the Yazidis</u>. 15 June. A/HRC/32/CRP.2. («Они пришли, чтобы разрушать: Преступления ИГИЛ против езидов»)
- ООН, Совет Безопасности (2016). Report of the Secretary-General on the Threat Posed by ISIL (Da'esh) to International Peace and Security and the Range of United Nations Efforts in Support of Member States in Countering the Threat. 31 May. S/2016/501. («Доклад Генерального секретаря об угрозе для международного мира и безопасности, которую создает ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий Организации Объединенных Наций по оказанию поддержки государствамчленам в борьбе с этой угрозой»)
- Scharf, Michael P. (2016). "<u>How the War against ISIS Changed International Law</u>." Case Western Reserve Journal of International Law, vol. 48, p. 52. («Как война против ИГИЛ изменила международное право»)

Международные суды и трибуналы

- Cohen, Aviv (2012). "<u>Prosecuting Terrorists at the International Criminal Court: Reevaluating an Unsused Legal Tool to Combat Terrorism</u>." Michigan State International Law Review, vol. 20, issue 2, pp. 219-257. («Преследование террористов в Международном уголовном суде: Переоценка неиспользуемого правового инструмента по борьбе с терроризмом»)
- Akande, Dapo (2017). "<u>The International Criminal Court Gets Jurisdiction Over the Crime of Aggression</u>." EJIL:Talk!, 15 December. («Международный уголовный суд получает юрисдикцию в отношении преступления агрессии»)
- Kumar, S.Y. Surendra (2008). "Suicide Terrorism and International Criminal Court." ISIL Year Book of International Humanitarian and Refugee Law, vol. 8, pp. 194-206. («Террористы-смертники и Международный уголовный суд»)
- Galingging, Ridarson (2010). "Prosecuting Acts of Terrorism as Crimes against Humanity under the ICC Treaty." Indonesian Journal of International Law, vol. 7, no. 4, pp. 746-774. («Преследование актов терроризма как преступлений против человечности в соответствии с договором МУС»)
- Paraschiv, Gavril (2013). "<u>The Necessity of Terrorism Inclusion in the Category of International Crimes Stricto Sensu</u>." AGORA International Journal of Juridical Sciences, vol. 7, no. 4, pp. 155-159. («Необходимость включения терроризма в категорию международных преступлений в строгом смысле слова»)
- Brennan, Anna Marie (2013-2014). "<u>Holding Members of Transnational Terrorist Groups Accountable under Article 25 of the Rome Statute: Effectiveness, Legitimacy and Impact.</u>" Spanish Yearbook of International Law, vol. 18, pp. 115-140. («Привлечение к ответственности членов транснациональных террористических групп согласно статье 25 Римского статута: Эффективность, легитимность и воздействие»)
- Schabas, William A. (2004). "<u>Is Terrorism a Crime against Humanity</u>." Journal of International Peacekeeping, vol. 8, issue 1, pp. 255-261. («Является ли терроризм преступлением против человечности»)
- Martinez, Lucy (2002). "Prosecuting Terrorists at the International Criminal Court: Possibilities and Problems." Rutgers Law Journal, vol. 34, issue 1, pp. 1-62. («Преследование террористов в Международном уголовном суде: Возможности и проблемы»)

- Sayapin, Sergey V. (2006). "<u>The Spread of Terror among the Civilian Population- a war crime?</u>" Asia-Pacific Yearbook of International Humanitarian Law, vol. 2, pp. 196-225. («Распространение террора среди гражданского населения военное преступление?»)
- Rastan, Rod, and Olympia Bekou (2012). Terrorism and Counter-Terrorist Responses:
   The Role of International Criminal Jurisdiction. In Ana-Maria Salinas de Friás, Katja L. H.
   Samuel, and Nigel D. White, eds. Counter-Terrorism: International Law and Practice.
   Охford: Охford University Press. («Терроризм и контртеррористические меры: Роль международной уголовной юрисдикции»)
- Clarke, Kamari M., Abel S. Knottnerus and Eefje de Volder, eds. (2016). *Africa and the ICC: Perceptions of Justice*. New York: Cambridge University Press. («Африка и МУС: Восприятие справедливости»).

Оценка учащихся

В данном разделе представлены предложения по заданиям для учащихся после занятия с целью оценки понимания ими модуля. Предложения по заданиям до и во время занятия представлены в разделе «Упражнения».

Для оценки понимания учащимися Модуля, предлагаются следующие задания после занятий:

Вопросы для оценки

- Рассматривая различные подходы региональных организаций к определению терроризма, объясните какой подход, по вашему мнению, в наибольшей мере отражает существующие нормы права и почему.
- Определите и критически оцените последствия отсутствия универсального определения терроризма для международного сотрудничества в сфере уголовного правосудия.
- Считаете ли вы, что всеобъемлющая конвенция о борьбе с терроризмом необходима, например, что она будет способствовать предотвращению террористических актов или содействовать привлечению предполагаемых террористов к суду? Обсудите это в контексте существующих 19 универсальных антитеррористических конвенций.
- Существуют ли обстоятельства, при которых Совет Безопасности будет вправе отменить антитеррористические обязательства по договору в интересах международного мира и безопасности?
- Обсудите, будет ли способствовать включение четко выраженных террористических преступлений в юрисдикцию международных судов и трибуналов укреплению международных усилий в области уголовного правосудия.
- Критически оцените определение терроризма, используемое в целях уголовного правосудия в вашей стране, в частности его соответствие обязательствам по международным нормам отправления правосудия.
- Что, по вашему мнению, является самыми важными элементами терроризма и почему?
- В сравнении с другими серьезными международными преступлениями что является отличительными чертами терроризма?

• Критически обсудите, могут ли террористические атаки 11 сентября квалифицироваться как преступления против человечности.

Дополнительные учебные инструменты

В данном разделе приведены ссылки на соответствующие средства обучения, такие как слайды в формате PowerPoint, видеоматериалы, кейсы и другие ресурсы, которые могут помочь лектору преподавать вопросы, охватываемые Модулем. Слайды и другие ресурсы могут быть адаптированы лектором.

• Презентации в формате PowerPoint для Модуля 4 «Реагирование системы уголовного правосудия на терроризм» [доступна по ссылке]

Видеоматериал

• Расплата — История Международного уголовного суда - POV/PBS

В данном видео прослеживается история Международного уголовного суда со времени Нюрнбергского процесса и трибуналов по бывшей Югославии и Руанде до международных мер реагирования на конфликты в Уганде, Судане и Колумбии.

Инструменты

Инструмент 1. Универсальные документы по борьбе с терроризмом

УНП ООН был разработан ряд модулей, в которых изучаются универсальные документы по борьбе с терроризмом и соответствующие правовые рамки, а также подробная практика, в том числе процессуальные аспекты, которые не рассматриваются подробно в настоящем Модуле:

- о Модуль 2: Универсальные правовые основы борьбы с терроризмом
- Модуль 3: Международное сотрудничество по уголовно-правовым вопросам, касающимся терроризма
- Модуль 4: Права человека и меры системы уголовного правосудия по борьбе с терроризмом
- Модуль 5: Террористические преступления, связанные с транспортом (гражданская авиация и морское судоходство)
- о Модуль 6: Универсальные правовые рамки в отношении химического,

Инструмент 2. Резюме основных событий — Всеобъемлющая конвенция о борьбе с терроризмом

- Специальный комитет, учрежденный в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи 51/210 от 17 декабря 1996 г.
- Доклады Специального комитета и рабочей группы Шестого комитета.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Шестой комитет (Правовые вопросы) 66 сессия. Меры по ликвидации международного терроризма (Пункт 109 Повестки дня).
- ООН, Генеральная Ассамблея (2010). Доклад Мартина Шейнина, Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях противодействия терроризму: 10 областей передовой практики в противодействии терроризму. 22 декабря. A/HRC/16/51. В докладе дано

Инструмент 3. База данных по тяжким международным преступлениям

Обеспечивает оперативный доступ к самым важным решениям, постановлениям и заключениям международных уголовных трибуналов по более чем 130 делам по тяжким международным преступлениям в соответствии с правовыми рамками Международного уголовного суда.

- Доступ к международной судебной практике (решениям, постановлениям и заключениям) международных трибуналов в соответствии с правовыми требованиями тяжких международных преступлений и обязательствами по уставу МУС;
- Классификация и анализ прецедентного права в соответствии с элементами преступления и ответственности, а также средствами доказательства;
- Поиск и сохранение посредством инновационных функций;
- Настройка по конкретным следственным или судебным рамкам.

Дополнительные материалы

- Mugwanya, George W. (2006). Criminal justice through international criminal tribunals: Reflections on some lessons for national criminal justice systems. African Human Rights Law Journal, vol. 6, no. 1, pp. 26-63. («Уголовное правосудие посредством международных уголовных трибуналов: Размышления о некоторых уроках для национальных систем уголовного правосудия»)
- Mateus-Rugeles, Andrea, and Juan -Ramón Martínez-Vargas (2010). "<u>Terrorismo:</u> <a href="mailto:crimen de Derecho Internacional?" Facultad De Derecho Y Ciencias Politicas, vol. 40, no. 113, p. 381-414.
- Verdebout Agatha (2013-2014). "<u>La définition coutumière du terrorisme d'Antonio Cassese: de la doctrine au Tribunal spécial pour le Liban</u>." Droit et société 2014/3, no. 88, pp. 709-728.
- Pákozdy, Csaba. La répression du terrorisme et le droit international humanitaire.
- Horváth, Krisztina. <u>Les spécificités de la lutte contre le terrorisme dans la jurisprudence</u> de la Cour Européenne des Droits de l'Homme.
- Mock, Hanspeter (2006). «GUERRE» CONTRE LE TERRORISME ET DROITS DE L'HOMME; Réflexions à propos du rapport de la Fédération internationale des droits de l'homme (FIDH) intitule; «L'anti-terrorisme à l'épreuve des droits de l'homme: les clés de la compatibilité». Revue trimestrielle des droits de l'homme, vol. 65, pp. 23-34.
- Sassòli, Marco, and Lindy Rouillard (2007). «La définition du terrorisme et le droit international humanitaire. Revue québécoise de droit international» (Hors-série), pp. 29-48.
- Adrien Burkhalter (2016). "<u>Défnir le Terrorisme: Défis et Pratiques</u>." Geneva Papers.
- Labriola, S. (1986). "La gestione costituzionale del caso Achille Lauro." *Rivista di diritto internazionale privato e processuale,* vol. 22, p. 241.

Библиография

Книги

- Bassiouni, M. Cherif (1999). Crimes against Humanity in International Criminal Law, 2nd edition. Dordrecht: Kluwer Law International. («Преступления против человечества в международном уголовном праве»)
- Cassese. Anotonio
  - (2008). International Criminal Law, 2nd edition. Oxford: Oxford University Press.
     («Международное уголовное право, второй выпуск»)
  - ed. (2009). The Oxford Companion to International Criminal Justice. Oxford:
     Oxford University Press. («Оксфордский справочник по международному уголовному правосудию»)
- Duffy, Helen (2015). <u>The 'War on Terror' and the Framework of International Law</u>, 2nd edition. Cambridge: Cambridge University Press. Ch. 4 A1. («Война с террором» и международная правовая база»)
- Henckaerts, Jean-Marie and Louise Doswald-Beck (2005). <u>Customary International Humanitarian Law Volume I: Rules</u>. Cambridge: Cambridge University Press. («Обычное международное гуманитарное право Том I: Правила»)
- Saul, Ben (2012). Terrorism. Oxford: Hart Publishing. («Терроризм»)

 Schachter, Oscar (1991). International Law in Theory and Practice. Dordrecht: Springer Netherlands. («Международное право в теории и на практике»)

Разделы в книгах

■ Fletcher, George P. (2009). "The Influence of the Common Law and Civil Law Traditions on International Criminal Law." In Cassese, Antonio ed. *The Oxford Companion to International Criminal Justice*. Oxford: Oxford University Press, Part III, pp. 104-110. («Влияние традиций общего права и гражданского права на международное уголовное право»)

Дела/Судебные заключения

- Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ)
  - <u>Дело Османа против Соединенного Королевства</u> (87/1997/871/1083), Решение от 28 октября 1998 г. European Human Rights Record, vol. 101.
- Международный суд
  - Дело касательно ордера на арест от 11 апреля 2000 года (Демократическая Республика Конго против Бельгии), Решение от 14 февраля 2002 г., I.C.J. Reports 2002, р. 3.
- Международный уголовный трибунал по Руанде
  - <u>Прокурор против Жан-Поля Акаесу</u>, Решение (Судебная палата) от 2 сентября 1998 г., ICTR-96-4-Т.
  - <u>Прокурор против Клемента Кайшемы и Обеда Рузинданы</u>, Решение (Судебная палата) от 21 мая 1999 г., ICTR-95-1-Т.
  - <u>Прокурор против Джорджа Андерсона Ндерубумве Рутаганды</u>, Решение и приговор (Судебная палата) от 6 декабря 1999 г., ICTR-96-3-Т.
- Международный уголовный трибунал по бывшей Югославии
  - *Прокурор против Мартича (Постановление 61)* от 8 марта 1996 г., IT-95-11-R61.
  - <u>Прокурор против Тадича</u>, Решение (Судебная палата) от 7 мая 1997 г., IT-94-1-Т.
  - Прокурор против Жейнила Делалича, Здравко Мукича, так же известного как «Паво», Хазима Делича и Эсада Ланджо, так же известного как «Занга» (Решение) от 16 ноября 1998 г., IT-96-2-T.
  - <u>Прокурор против Бласкика</u>, Решение (Судебная палата) от 3 марта 2000 г., IT-95-14-Т.
  - <u>Прокурор против Радислва Крстича</u>, Решение (Судебная палата) от 02 августа 2001 г., IT-98-33-Т.
  - <u>Прокурор против Николича</u> (Вынесение приговора) от 2 декабря 2003 г., IT-02-60/1-S.
  - <u>Прокурор против Галича</u>, Решение (Апелляционная камера) от 30 ноября 2006 г., IT-98-29-A.
  - <u>Прокурор против Драгомира Милошевича</u>, Решение (Судебная палата) от 12 декабря 2007 г., IT-98-29/1-Т.
- Специальный суд по Сьерра-Леоне
  - <u>Прокурор против Алекса Тамбы Бримы, Бримы Баззи Камары и Сантиджи Борбора Кану (Дело РСВС)</u> (решение Судебной палаты) от 20 июня 2007 г., SCSL-04-16-T.
- Специальный трибунал по Ливану

- Промежуточное решение по применимому праву: Терроризм, заговор, убийство, совершение преступления, совокупные обвинения, 2011, STL-11-01/I, от 16 февраля.
- Апелляционный суд Соединённого Королевства (Англия и Уэльс)
  - *Дело Кастиони*, [1981] 1 QB 149.
- Военный трибунал США в Нюрнберге
  - Дело Листа и других (Дело о заложниках) от 19 февраля 1948 г. (1953) 15
     Ann Dig 632.

Конвенции

- *Конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него*. Женева, 16 ноября 1937 г. Хадсон, Мэнли (1941), Международное законодательство, том 7, № 499, стр. 862.
- Конвенция о создании международного уголовного суда. Женева, 16 ноября 1937
   г. Хадсон, Мэнли (1941), Международное законодательство, том 7, № 500, р. 878.
- <u>Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.</u> Депозитарий международного договора, том 78, стр. 277. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г.
- <u>Женевские конвенции</u>. Депозитарий международного договора, том 75, стр. 31, стр. 85, стр. 135 и стр. 287, 12 августа 1949 г.
- *Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов*. Токио, 14 сентября 1963 г., Депозитарий международного договора, № 10106, стр. 220.
- <u>Международный пакт о гражданских и политических правах</u>. Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г., Депозитарий международного договора, том 999, стр. 171 и том 1057, стр. 407.
- Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов. Гаага, 16 декабря 1970 г., Депозитарий международного договора, № 12325, стр. 106.
- Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации. Монреаль, 23 сентября 1971 г., Депозитарий международного договора, том 974, № 14118, стр. 177.
- Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов. 14 декабря 1973 г., Депозитарий международного договора, том 1035, стр. 167.
- Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I). Депозитарий международного договора, том 1125, № 17512, 8 июня 1977 г.
- Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Депозитарий международного договора, том 1125, № 17513, 8 июня 1977 г.
- *Конвенция о физической защите ядерного материала*. Международное агентство по атомной энергии, май 1980 г., INFCIRC/274/ Rev.1.
- *Международная конвенция о борьбе с захватом заложников*. Нью-Йорк, 17 декабря 1979 г., Депозитарий международного договора, том 1316, стр. 205.
- <u>Венская конвенция о праве международных договоров</u> 1969 г. Принята 23 мая 1969 г., вступила в силу 27 января 1980 г. Депозитарий международного договора, том 1155, стр. 331.

- <u>Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания</u>. Депозитарий международного договора, том 1465, стр. 85, Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.
- *Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против* <u>безопасности морского судоходства</u>. Рим, 10 марта 1988 г., Депозитарий международного договора, том 1678, № 29004, стр. 222.
- Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 года. Депозитарий международного договора, том 1678, № I-29004, стр. 304.
- <u>Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию</u>. Монреаль, 24 февраля 1988 г., Депозитарий международного договора, 1990 г.
- <u>Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения</u>. Монреаль, 1 марта 1991 г., ICAO Doc. S/22393, 30 ILM 721 (1001).
- <u>Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом</u>. Нью-Йорк, 15 декабря 1997 г., Депозитарий международного договора, том 2149, стр. 256.
- *Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма*. Нью-Йорк, 9 декабря 1999 г., Депозитарий международного договора, том 2178, стр. 197.
- <u>Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности</u>. Нью-Йорк, 15 ноября 2000 г., Депозитарий международного договора, том 2225, стр. 209.
- <u>Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции</u>. Нью-Йорк, 31 октября 2003 г., Депозитарий международного договора, том 2349, стр. 41.
- <u>Протокол к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против</u> <u>безопасности морского судоходств</u>. 14 октября 2005 г.
- <u>Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма</u>. Нью-Йорк, 13 апреля 2005 г., Депозитарий международного договора, том. 2445, стр. 89.
- <u>Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации</u>. Пекин, 10 сентября 2010 г.

Внутреннее законодательство

- Канада
  - Преступления против человечности и военные преступления 2000 г.
- Новая Зеландия
  - <u>Международные преступления и Международный уголовный суд 2000</u> <u>г.</u>
- США
- Акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму (Патриотический акт) 2001 г.

Международные правовые документы

■ *Римский статут Международного уголовного суда*. 17 июля 1998 г.

Статьи в журналах/онлайн ресурсах

- (2017). "African leaders plan mass withdrawal from international criminal court." The Guardian (Addis Ababa), 31 January. («Лидеры африканских стран планируют массово выйти из состава международного уголовного суда»)
- Bagoo, Andre (2011). "<u>Robbie, grandfather of ICC</u>." Newsday (Trinidad and Tobago). 17
   Tuesday. («Робби, дедушка МУС»)
- Cassese, Antonio (2006). "<u>The Multifaceted Criminal Notion of Terrorism in International Law</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 4, issue 5, pp. 933-958. («Многогранное уголовное понятие терроризма в международном праве»)
- Fidler, David P. (2016). "<u>Cyberspace, Terrorism and International Law.</u>" Journal of Conflict and Security, vol. 21, issue 3, pp. 475-493. («Киберпространство, терроризм и международное право»)
- O'Keefe, Roger (2004). "<u>Universal Jurisdiction: Clarifying the Basic Concept</u>." Journal of International Criminal Justice, vol. 2, issue 3, pp. 735-760. («Универсальная юрисдикция: Разъяснение базовой концепции»)
- Scharf, Michael P. (2001). "Application of Treaty Based Universal Jurisdiction to Nationals of Non-Party States." New England Law Review, vol. 35, issue 2, pp. 363-382. («Применение основанной на договоре универсальной юрисдикции к гражданам государств, не являющихся участниками договора»)
- Trahan, Jennifer (2017). "<u>Reflections on Burundi's Withdrawal from the International Criminal Court</u>." *Opinio Juris*, 30 October. («*Размышления над выходом Бурунди из состава Международного уголовного суда»*)
- Yee, Sienho (2011). "<u>Universal Jurisdiction: Concept, Logic, and Reality</u>." Chinese Journal of International Law, vol. 10, issue 3, pp. 503-530. («Универсальная юрисдикция: Концепция, логика и реальность»)
- Young, Reuven (2006). "<u>Defining Terrorism: The Evolution of Terrorism as a Legal Concept in International Law and Its Influence on Definitions in Domestic Legisaltion.</u>"

  Boston College International Law and Comparative Law Review, vol. 29, issue 1, pp. 23-105. («Определяя терроризм: Эволюция терроризма как правовой концепции в международном праве и его влияние на определения в рамках внутреннего законодательства»)

Доклады

- Международный уголовный суд (2011). <u>Элементы преступлений</u>. Гаага.
- Международный уголовный суд, канцелярия Прокурора (2017). <u>Доклад о мероприятиях по предварительной экспертизе в 2017 году</u>. 4 декабря.

Материалы ООН

- <u>Устав ООН.</u> Депозитарий международного договора, том. 1, №. XVI. Принят 26 июня 1945 г., вступил в силу 24 октября 1945 г.
- ООН (2002). <u>Дипломатическая конференция полномочных представителей посозданию Международного уголовного суда</u>. 15-17 июля 1998 г. A/CONF.183/C.1/L.27.
- ООН, Генеральная Ассамблея
  - (1995). *Меры по ликвидации международного терроризма.* 17 февраля. A/RES/49/60.
  - (1997). <u>Меры по ликвидации международного терроризма</u>. 16 января. A/RES/51/210.

- (2000). <u>Меры по ликвидации международного терроризма</u>. Доклад рабочей группы. 19 октября. A/C.6/55/L.2.
- (2004) Более безопасный мир: наша общая ответственность. Доклад Группы высокого уровня по вопросам угроз, вызовов и изменений. 2 декабря. A/59/565.
- (2015). <u>План действий по предотвращению насильственного</u> экстремизма. 24 декабря. A/70/674.
- ООН, Комитет по правам человека
  - (2008). <u>Заключительные замечания Комитета по правам человека,</u> Соединенное Королевство. 21 июля. CCPR/C/GBR/CO/6.
  - (2009). <u>Заключительные замечания Комитета по правам человека,</u> *Российская Федерация* . 29 октября. CCPR/C/RUS/CO/6.
- ООН, Генеральная Ассамблея, Совет по правам человека (2008). <u>Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, включая право на развитие: Миссия в Испанию. Доклад Мартина Шейнина, Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. 16 декабря. A/HRC/10/3/Add.2.</u>
- ООН, Совет по правам человека, Доклад независимой международной комиссии по расследованию событий в Сирийской Арабской Республике (2016). «Они пришли, чтобы разрушать»: преступления ИГИЛ против езидов. 15 июня. А/HRC/32/CRP.2.
- ООН, Комиссия международного права (2014). "Окончательный доклад Комиссии международного права: Обязательство выдать или судить (aut dedere aut judicare)". Yearbook of the International Law Commission, vol. II (Part Two).
- Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН)
  - (2009). <u>Справочник по реагированию системы уголовного правосудия на терроризм</u>. New York: United Nations.
  - (2010). Универсальные правовые рамки борьбы с терроризмом. New York: United Nations.
- ООН, Совет Безопасности
  - (1993). Доклад Генерального секретаря в соответствии с пунктом 2 резолюции Совета Безопасности 808 (1993). 3 мая. S/25704.
  - ООН, Совет Безопасности, Контртеррористический комитет (2016). <u>Глобальный опрос выполнения государствами-участниками резолюции</u> Совета Безопасности 1624 (2005). 28 января. S/2016/50.
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 827 (1993).
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 955 (1994).
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 1207 (1998).
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001).
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 1456 (2003).
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 1566 (2004).
  - Резолюция Совета Безопасности ООН 1757 (2007).

Vienna International Centre, P.O. Box 500, 1400 Vienna, Austria Tel.: (+43-1) 26060-0, Fax: (+43-1) 26060-3389, www.unodc.org

